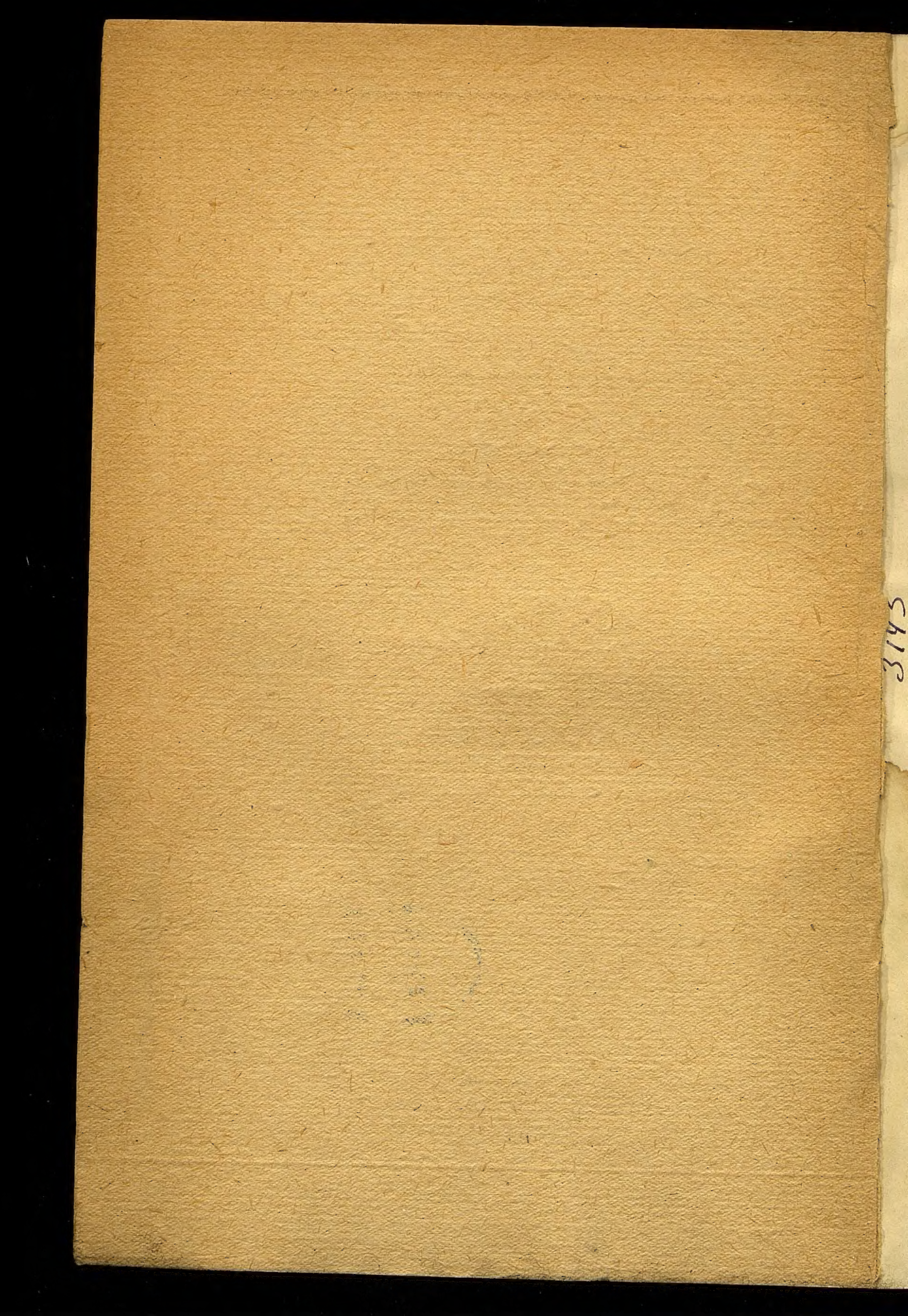
АКАДЕМИЯ НАУК СССР ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА

1930 - 1933

РЕЧИ И СТАТЬИ
НЕПРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРЯ
Акад. В. П. ВОЛГИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА

1930—1933

РЕЧИ И СТАТЬИ
НЕПРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРЯ
акад. В. П. ВОЛГИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД · 1934

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Октябрь 1934 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Технический редактор А. Покровский. — Ученый корректор А. В. Суслов

Сдано в набор 9 июля 1934 г. — Подписано к печати 10 октября 1934 г.

Формат бум. 62×94 см. — 7½ печ. л. — 39.680 тип. зн. — Тираж 3175
Ленгорлит № 18249. — АНИ № 425. — Заказ № 66

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перевод Академии Наук в Москву заканчивает весьма значительный период ее истории — период внутренней перестройки Академии, период ее превращения на деле в Академию Наук Советского Союза. От 1929 года, года вступления в Академию значительного числа новых академиков, до 1934 г. — Академия почти во всех своих частях изменилась до неузнаваемости. Сейчас, когда мы с переездом в Москву открываем новую страницу в жизни Академии, мне показалось небесполезным напомнить о пути, пройденном ею за последние четыре года, сборником речей и статей, отмечающих отдельные этапы этого пути. Весь материал, собранный здесь, проникнут единым настроением, характерным для того четырехлетия, к которому он относится, отмечен единой тенденцией — превращения Академии Наук в живой научный центр страны, строящей социализм. В нашей работе, направленной к этой цели, были отдельные частные ошибки; читатель увидит, что кое-что из наших предположений не осуществилось. Так, до сих пор не реализована идея координации научной работы во всесоюзном масштабе. Эта задача осталась в наследство новой — московской — эпохе. Тем не менее, основные установки в нашей работе были взяты правильно, в соответствии с теми великими задачами, какие ставит перед наукой наша великая эпоха социалистического строительства. При изменении форм и темпов они останутся действительными и для нашей работы в новых условиях в Москве.

Само собою разумеется, что в речах на одну и ту же тему, отделенных одна от другой часто всего двумя-тремя месяцами, не может не быть повторений. Кое-какие из них устранены автором. Устранить их все оказалось невозможным без нарушения внутреннего единства и структуры речи.

АКАДЕМИЯ НАУК В 1930 г.[1]

1929 год был годом решительного поворота Академии Наук СССР на новые пути. До 1929 г. Академия Наук представляла научный аппарат исключительной ценности, — но аппарат, в известной мере оторванный от реальных запросов происходящего в стране социалистического строительства, а потому и работающий в значительной своей части вхолостую. Это создавало некоторую отчужденность, некоторое естественное недоверие, если не подозрительность, к Академии Наук со стороны советской общественности. Академия Наук не без основания казалась многим каким-то чужеродным телом, учреждением как бы экстерриториальным. Для того, чтобы устранить этот болезненный разрыв между Академией Наук и окружающей ее общественной средой, для того, чтобы связать ее работу с великим революционным процессом, идущим в Союзе Советских Республик, ряд мер был принят уже в 1929 г. 1930 год должен был реализовать в работе Академии Наук новые данные ей установки, должен был придать конкретные формы тем общим положениям, которые были признаны как руководящие для дальнейшей ее деятельности. В известном смысле 1930 год был годом проверки способности Академии Наук действительно пойти по новому пути, заняв в рядах строителей нового социалистического мира определенное место, предуказанное самым существом Академии, как крупнейшего и авторитетнейшего научного учреждения Союза.

Подводя итоги истекшему году, надлежит прежде всего поставить вопрос: успела ли Академия Наук — и насколько успела — разрешить поставленные перед нею ходом исторического развития задачи? Не подлежит сомнению, что за разрешение этих задач Академия Наук взялась со всей серьезностью; 1930 год был годом напряженной работы Академии над реорганизацией ее учреждений, годом напряженных усилий внести как

[1] Речь на торжественном годовом собрании Академии Наук 2 февраля 1931 г.

в деятельность Академии в целом, так и в деятельность ее отдельных частей необходимое плановое начало, установить возможно тесный контакт — и идеологический и материальный — с общей работой по строительству социализма.

Первое, что здесь следует отметить, это — составление и проведение через высшие правительственные органы нового Устава Академии Наук. Красной нитью через весь новый Устав проходит мысль о теснейшей связи работы Академии Наук с социалистическим строительством. Эта мысль выражена уже в определении общих задач Академии — §§ 2, 3 и 4. § 2 обязует Академию содействовать „выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения" и планомерно направлять всю систему научного знания „к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны и дальнейшего роста социалистического общественного строя". Исходя из этих установок, § 3 Устава ставит перед Академией следующие задачи: „изучать производительные силы страны и содействовать их использованию; разрабатывать способы применения научных теорий — результатов научных опытов и наблюдений — к задачам социалистического строительства Союза ССР". Наконец, § 4 указывает на обязанность Академии Наук распространять „влияние теоретических достижений на практическую работу учреждений и организаций Союза".

Из нового подхода Устава к задачам Академии логически вытекают новые требования, предъявляемые к ее личному составу. Если старый Устав, перечисляя те признаки, наличие коих обязательно для действительного члена Академии Наук, ограничивался характеристикой научной квалификации, то новый Устав в своем § 11 дополняет эти признаки указанием на активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР. Точно так же внесено некоторое ограничение общественно-политического характера по отношению к иностранцам — почетным членам Академии Наук. Таковыми не могут быть лица, проявившие „враждебное отношение к революционному движению пролетариата". Оба ограничения совершенно неизбежны, если Академия Наук, действительно, является высшим научным учреждением страны, поднявшей знамя социалистической революции, и отдает всю мощь сосредоточенной в ней научной мысли на дело социалистической реконструкции.

Новый Устав вносит также некоторые немаловажные изменения в структуру Академии Наук. Сохраняя в полной мере за Общим собранием и отделениями их старые права, он легализирует существование более мелких ячеек-групп. Группы объединяют в себе представителей кафедр либо по принципу родственности научных дисциплин, либо по принципу общности интереса кафедр к той или иной теоретической проблеме. Наличие групп в структуре Академии придает ей бóльшую гибкость, обеспечивает предварительную углубленную работу специалистов над вопросами, подлежащими затем решению отделений или Общего собрания, приближает действительных членов Академии к работе ее учреждений. Группа разрабатывает планы учреждений данной специальности, согласует их между собою и наблюдает за их осуществлением. С другой стороны, создание групп дает возможность привлечь к обсуждению и решению академических вопросов те категории научных работников Академии, которые до сих пор не имели ни в одном из органов Академии решающего голоса. В заседаниях групп правом решающего голоса пользуются не только действительные члены Академии, но также директоры всех подведомственных группе учреждений и выбранные их научным персоналом представители. С ростом Академии Наук, с дальнейшим расширением объема ее работ и их диференциацией, будет, несомненно, расти и роль групп. Уже в истекшем году было выдвинуто предположение о перенесении в группы некоторой части узко специальных докладов, заслушивавшихся доселе в отделениях. Само собою разумеется, это усиление групп не должно ни в малой мере умалить значение отделений, как объединений более широких, призванных обсуждать и решать вопросы более общего, более принципиального характера.

Последнее из нововведений Устава, на какое я считаю нужным здесь указать, это — образование в составе Академии Наук нового органа, специально ведающего ее издательской деятельностью. Издательская деятельность Академии Наук вызывала много нареканий. Некоторые из них были несомненно справедливы. В этой области особенно ярко сказывался отмеченный выше разрыв между Академией Наук и советской общественностью. Ряд изданий Академии вызывал законное раздражение проникающей их идеологией, не имеющей никаких точек

соприкосновения с идеологией строящего социализм рабочего класса, а иногда и прямо враждебной последней. Еще больше оснований имели упреки в бесплановости изданий Академии и особенно в явной непропорциональности распределения отпускаемых Академии государственных средств между трудами большей и меньшей актуальности. Эти недостатки определяли общественное отношение к издательству Академии в большей мере, чем бесспорные научные достоинства значительной части выпускавшихся Академией трудов. Реорганизация издательского дела Академии, несомненно, назрела. Дело этой реорганизации вверено новым Уставом Редакционно-издательскому совету, которому, согласно § 58, передается руководство редакционно-издательской деятельностью. Редакционно-издательский совет избирается Общим собранием Академии, что придает новому органу необходимый для выполнения его сложной задачи авторитет.

Одновременно с выработкой нового Устава, Академия Наук приступила к пересмотру списка учреждений с точки зрения своих новых установок. Несмотря на ликвидацию некоторых учреждений, устаревших по своим задачам или по своей методологии (Византийская комиссия, Славянская комиссия, Комиссия по научному изданию славянской библии), несмотря на произведенное объединение ряда учреждений, имевших ранее самостоятельное существование, — общее число учреждений, находящихся в сети Академии Наук, значительно возросло. В списке, получившем утверждение Президиума ЦИК Союза, мы находим ряд новых учреждений, ходатайство о которых было своевременно возбуждено Академией Наук (таковы Лаборатория эволюционной морфологии, Микробиологическая лаборатория и т. д.); кроме того, в него входят учреждения, получившие самостоятельное существование в связи с реорганизацией Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР (Институт физико-химического анализа, Институт по изучению платины, Геохимический институт, Энергетический институт, Геоморфологический институт, Лаборатория генетики и т. д.); наконец, как особенно крупный успех Академии Наук в этом отношении, необходимо отметить положительное решение вопроса о включении в сеть академических учреждений Ботанического сада. Уже после утверждения списка Академией были

возбуждены ходатайства об организации Хибинской горной станции, Песчано-пустынного института и Музея по истории религии.

Пересмотр списка имел своим результатом не только ликвидацию некоторых старых учреждений и организацию новых. Он сопровождался просмотром структуры существующих учреждений и в ряде случаев привел к их радикальной реорганизации. Основной тенденцией этой реорганизации была, несомненно, тенденция к укрупнению, к объединению мелких учреждений. Крупное учреждение легче обеспечить соответственным научным инвентарем и личным составом; только в крупном учреждении может быть должным образом поставлена коллективная работа с правильным распределением отдельных функций между сотрудниками и с должным методологическим руководством; работа крупного учреждения с меньшими препятствиями включается в общий план работы, ибо в большем коллективе объективные интересы развития научной мысли и объективные потребности жизни выявляются с большей отчетливостью, тогда как в небольшом учреждении они зачастую затемняются субъективными вкусами и симпатиями руководителя. С другой стороны, при нормальных условиях и при рациональном распределении труда в крупном учреждении всегда могут найти достаточный простор для своего развития и применения индивидуальные устремления научного работника; нисколько не препятствует также, вопреки весьма распространенному мнению, бóльшая широта задач учреждения естественной диференциации научной работы.

Укрупнение учреждений с наибольшей последовательностью было проведено по учреждениям Отделения общественных наук. На первое место здесь следует поставить востоковедные учреждения. Их было в Академии Наук четыре: Азиатский музей, Институт буддийской культуры, Туркологический кабинет и Коллегия востоковедов. Как видно из наименований, они были построены на совершенно различных принципах. В настоящее время, вместо этих четырех учреждений создан единый Институт востоковедения. Институт распадается на два сектора в соответствии с двумя основными группами научных дисциплин, по которым в институте должна вестись работа: Сектор историко-экономический и Сектор литературоведческий. Подлежа-

щий научной обработке материал и соответственная литература распределены по странам в кабинетах института. Во главе секторов и во главе кабинетов стоят действительные члены Академии Наук; таким образом, все академики-востоковеды втянуты в работу института по своей специальности, и в то же время вся востоковедная работа Академии подчинена единому плану. Следует отметить, что произведенное объединение дало возможность обеспечить в востоковедной работе должное влияние материалистической методологии, — что было бы совершенно недостижимо при прежней раздробленности.

По аналогичному пути пошли учреждения, входящие в группу языков и литератур Запада. Три учреждения, работавшие в области изучения новой русской литературы (Пушкинский дом, Толстовский музей, Комиссия по изданию сочинений Пушкина) объединены в Институт новой русской литературы. Институту дана рациональная структура, соответствующая требованиям марксистской научной мысли: он разделяется на части по признакам социально-историческим, а не по признаку группировки вокруг того или иного крупного литературного имени. Две комиссии, занимавшиеся проблемами древнерусской литературы (Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы и Комиссия по составлению толковой библиографии по древнерусской литературе) преобразованы в одну комиссию; три комиссии по изучению русского языка (Диалектологическая, Словарная и Комиссия по собиранию материалов по древнерусскому языку) также слиты в одну.

Тенденция к укрупнению не могла не встретить при своем осуществлении ряда препятствий и трудностей, а следовательно и сопротивления. В отдельных исключительных случаях, несмотря на все перечисленные общие преимущества крупных учреждений, особые условия диктуют необходимость сохранения небольших, компактных единиц с узкими задачами и с небольшим, но специально подобранным кадром сотрудников. Иногда новое направление в науке или новый отдел в ней, для того, чтобы получить возможность полного развития, требует выделения особой, небольшой на первых порах ячейки; иногда в такой ячейке возникает потребность в связи с особым значением, какое приобретает разрешение той или иной частной научной проблемы. Все это приходится, конечно, учитывать. Но наряду

с такими законными ограничениями правильного в нашей обстановке принципа, приходится считаться и с соображениями, так сказать, психологического порядка. Людям умственного труда вообще свойственен несколько повышенный индивидуализм; научные работники отличаются этой чертой в еще большей степени. Попытки организации большого научного коллектива зачастую встречают сопротивление, которое вряд ли можно признать законным, именно с этой стороны.

Но и в тех случаях, когда мы, в силу перечисленных соображений, отказываемся от полного объединения близких друг другу учреждений, мы не можем никак снять с очереди проблему координации их деятельности и единства в обслуживающем их аппарате. Необходимость такой координации признается всеми. Так возникла та неполная форма объединения, которая получила в Академии Наук особенно широкое распространение в системе учреждений Отделения математических и естественных наук. Я имею в виду *ассоциацию* учреждений. Идея ассоциации впервые возникла у нас в среде учреждений геологических, которые — и это стоит подчеркнуть как иллюстрацию к приведенным выше общим соображениям — разъединились, можно сказать, накануне начала характеризованного нами объединительного процесса, в том же 1930 г. Геологический музей Академии Наук сначала распался на три учреждения: Геологический институт, Петрографический институт и Палеозоологический институт. А затем перечисленные институты, совместно с Минералогическим институтом, Геохимическим институтом и Почвенным институтом, образовали Геологическую ассоциацию. Вслед за геологическими учреждениями вошли в ассоциацию учреждения химические. Химическую ассоциацию составили Лаборатория общей химии, Лаборатория высоких давлений, Лаборатория органического синтеза, Лаборатория коллоидно-электрохимическая и Лаборатория по исследованию и синтезу растительных и животных веществ. Затем в ассоциацию вступили дополнительно по собственной инициативе Институт по изучению платины и Институт физико-химического анализа. В самое последнее время сформировалась еще одна ассоциация — геохимическая. В нее вошли все институты Геологической ассоциации, кроме Палеозологического, Институт физико-химического анализа (входящий одновременно в Химическую ассоциацию) и

Биогеохимическая лаборатория. Насколько целесообразно такое перекрестное ассоциирование, покажет будущее.

Учреждения биологической группы образовали три ассоциации, присвоив им, однако, несколько несоответственное наименование институтов: Институт общей биологии, Зоологический институт и Ботанический институт. В Институт общей биологии вошли: Лаборатория генетики, Лаборатория эволюционной морфологии, Микробиологическая лаборатория, Музей эволюции, Цитологическая лаборатория. Представляется целесообразным поставить вопрос о включении в институт Лаборатории экспериментальной зоологии и Лаборатории биохимии и физиологии растений. Ботанический институт состоит из Ботанического сада, Ботанического музея и Лаборатории биохимии и физиологии растений. В Зоологический институт вошли: Зоологический музей, Байкальская и Севастопольская биологические станции, Лаборатория экспериментальной зоологии, Лаборатория зоогеографии, Лаборатория прикладной зоологии и Палеозоологический институт.

При новых установках Академии Наук совершенно исключительное значение получает правильная организация работы Академии по изучению производительных сил. Это — пункт, где исследовательская деятельность самым непосредственным образом смыкается с социалистической реконструкцией страны, в этой области Академия может оказать самое реальное содействие делу социалистического строительства, содействие, результаты которого, к тому же, могут быть учтены немедленно. А последнее обстоятельство при крайне напряженных темпах реконструкции — весьма существенно. Неудивительно поэтому то внимание, с которым Академия отнеслась к реорганизации тех своих учреждений, которые занимаются проблемами производительных сил, — Комиссии по изучению производительных сил и Комиссии экспедиционных исследований. Неудивительно и то, что здесь реорганизация была произведена особенно радикально.

Научно-исследовательская работа Академии в области изучения производительных сил должна быть связана в большей мере, чем в какой-либо иной области, — с общесоюзным и республиканскими планами хозяйственного строительства. Это одинаково относится как к экспедиционным исследованиям, так

и к исследованиям, производимым в учреждениях Академии Наук. Задача соответственного органа Академии состоит в том, чтобы на основе общих перспектив социалистической реконструкции и — более конкретно — пятилетнего плана составить план участия в этой работе Академии в целом. В этом едином плане должно найтись подобающее место и экспедициям и камеральным исследованиям, которые не могут быть оторваны друг от друга. В то же время орган, руководящий исследованием производительных сил, должен быть достаточно авторитетен и внутри Академии и вне ее, должен быть реально связан с планирующими и хозяйственными учреждениями.

По всем этим соображениям Академия решила вместо двух существовавших ранее комиссий создать единый Совет по изучению производительных сил. Совету передано общее руководство научно-исследовательской деятельностью всех учреждений Академии в части изучения производительных сил, а также организация в этой области экспедиционных работ. Поскольку Совет в качестве исследовательского аппарата располагает всей системой академических учреждений, утратило свой смысл существование при нем особой категории учреждений, служивших ранее подсобным аппаратом Комиссии по изучению производительных сил (Институт по изучению платины, Отдел нерудных ископаемых, Отдел энергетики и т. д.). Все эти учреждения были сохранены — за ничтожными исключениями — в сети Академии Наук, но уже как самостоятельные единицы. В составе Совета организовано специальное планово-экономическое бюро, задачи которого ясны из самого его наименования, территориальный сектор, ведающий исследованиями на местах, и тематический сектор, ведающий исследованиями в учреждениях Академии. Территориальный сектор в свою очередь распадается на секции, которым надлежит принять работу от бывших комиссий КЭИ и служить организационными центрами экспедиционной деятельности. Очевидно, для детальной разработки конкретных задач отдельных экспедиций территориальному сектору придется созывать специальные совещания из лиц, компетентных как в научной области, так и в вопросах хозяйственного строительства соответственных районов.

Процесс реорганизации коснулся также и тех учреждений, которые сохранили в сети Академии значение самостоятельных

единиц. Радикально перестроена бывшая Комиссия по изучению племенного состава населения, преобразованная в Институт по изучению народов СССР. Институт ставит себе задачей изучение этнического состава населения СССР, изучение этногонических процессов в его среде в связи с развитием экономики, быта и идеологических явлений. В руководстве институтом обеспечено должное влияние марксистской методологии. С другой стороны, институт занимается также изучением человека, как производительной силы. В этой области он теснейшим образом увязывает свою работу с Советом по изучению производительных сил. Не меньшая перестройка идет в бывшем Музее палеографии, преобразованном в Музей книги, документа и письма. Музей палеографии представлял собою несистематизированное собрание раритетов самого различного характера, весьма пестрых по своей научной ценности. Из этого собрания устраняется все, что не имеет непосредственного значения для задач нового института. Остающийся весьма ценный материал должен быть пополнен из других аналогичных собраний Академии Наук. Музей имеет своей целью изучение книги, документа и письма как социальных явлений и предполагает развернуть в предстоящем году ряд тематических выставок.

Одновременно с работой по реорганизации учреждений и в связи с нею шла большая работа по составлению для них положений. К концу года положения всех учреждений Академии были утверждены. Я не буду касаться здесь деталей этой работы. Отмечу лишь наиболее важные из ее результатов. Прежде всего большое принципиальное значение имеет самый факт фиксации в письменных документах целевых установок и структуры каждого отдельного учреждения. Это значительно облегчит всю дальнейшую организационную работу Академии Наук. Это дает прочные опорные базы также для планирования ее исследовательской работы. В отдельных положениях, может быть, есть еще целый ряд недостатков. Мы будем их в дальнейшем исправлять. Но, при всех их возможных и вероятных недостатках, их составление является большим шагом вперед к внутреннему организационному регулированию научной деятельности Академии. Из отдельных пунктов положений я остановлюсь лишь на одном, имеющем на мой взгляд большое значение. Академию Наук, как я уже отмечал, много упрекали

за отрыв от жизни, в частности — за недостаточное согласование ее работы с работой других научных учреждений и с нуждами заинтересованных в ее продукции государственных и общественных органов. Новые положения стремятся устранить возможность таких упреков; в каждом крупном учреждении они предусматривают организацию советов, состоящих не только из руководящих научных работников учреждения, но и из представителей соответственных внеакадемических учреждений и органов. Советы далеко еще не вполне развернули свою деятельность. В частности, они играли явно недостаточную роль при составлении планов учреждений. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить живую и энергическую работу советов и действительное участие в них внеакадемических представителей.

Несколько особое место занимают в ряду утвержденных положений положения о книжных и о рукописных фондах Академии Наук. Первое регулирует сложные взаимоотношения между центральной академической библиотекой и специальными библиотеками. Вводя необходимое единство руководства в постановку библиотечного дела в Академии, в известных отношениях централизуя его, Положение в то же время сохраняет за отдельными учреждениями достаточную самостоятельность в деле пополнения книжных фондов. Положение о рукописных фондах разрешает давно назревший вопрос о приближении рукописных богатств Академии к работающим над ними учреждениям. Согласно Положению, в Библиотеке остается лишь рукописная книга; все остальные рукописи распределяются между Археографической комиссией, Архивом, Институтом новой русской литературы и т. д. в зависимости от их содержания. Работу по реальному распределению рукописных фондов мы не успели выполнить, она осталась в наследство 1931 году.

Новый Устав своим § 2 обязывает Академию Наук планомерно направлять всю систему научного знания к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны. § 4 говорит о необходимости координации работ Академии Наук с работами других научно-исследовательских учреждений. Как эти требования Устава, так и соображения общего порядка заставили Академию в 1930 г. поставить во всей широте про-

блему планирования научной работы. Еще не далеко то время, когда идея плановости в научном исследовании решительно отвергалась значительным числом научных работников. Общей психологической предпосылкой этого отрицательного отношения к плану является уже отмеченный мною крайний индивидуализм научных работников: подчинение работы плану воспринимается как незаконное вторжение „внешней“ силы в творческий процесс, подчиняющийся лишь внутренней закономерности. Но не следует скрывать от себя того факта, что у многих это противоположение внутреннего и внешнего принимало политическую окраску; отрицательное отношение к плану было выражением отрицательного отношения к той власти, которая решительно, хотя и очень мягко, настаивала на плане, — к тому социальному строю, который насквозь пронизан идеей плановости.

Само собою разумеется, что в среде научных работников обновленной Академии Наук, видящей одну из своих главных задач в содействии социалистическому строительству, отрицание плана, исходящее из мотивов политических, вовсе не терпимо. Но необходимо бороться и с сопротивлением планированию, исходящим из гипертрофированного индивидуализма. В сущности говоря, отрицание возможности плана в научной работе ведет к отрицанию в ней всякой целеустремленности. Не удивительно, что один из крупных работников Академии Наук противопоставляет идее плана представление о научной работе как о цепи счастливых *случайностей*. Академия Наук не может стать на такую точку зрения, как явно противоречащую фактам и отрицающую всякую организацию научного труда. Каждый индивидуальный научный работник всегда имеет какой-то, худо или хорошо продуманный план научной работы. Соединение научных работников в некоторый коллектив получает свой смысл лишь при наличии у этого коллектива общего плана работы. Спор может здесь итти лишь о методах создания такого плана.

Понимая исключительную важность работы по планированию, Академия Наук решила создать для проработки соответственного круга проблем особую организационно-плановую комиссию, во главе которой был поставлен один из вице-президентов Академии, акад. Н. Я. Марр. По докладу акад. Марра Общее

собрание Академии утвердило 3 октября 1930 г. общие принципы планирования научной работы Академии. По отношению к содержанию работы Общее собрание наметило в своей резолюции три круга проблем: а) общие теоретические проблемы, разработка которых в конечном счете всегда оказывает громадное влияние на практику в самых разнообразных направлениях; б) проблемы, связанные с социалистической реконструкцией в разрезе генерального и пятилетнего планов социалистического строительства, — в особенности проблемы сырья и топлива и их переработки; в) проблемы, связанные с задачами культурной революции, — особенно с социалистическим строительством в национальных республиках и областях. Переходя к методам планирования, Общее собрание решительно отвергло представление о возможности строить план учреждения как арифметическую сумму планов отдельных работников и план Академии — как сумму планов учреждений. Планы отдельных учреждений должны строиться на основе общего плана Академии, дающего указания по основным линиям научно-исследовательской работы. Планы должны представлять связную систему тем, сгруппированных вокруг основных проблем и проблем наиболее актуальных. Наконец, планы Академии должны быть увязаны с планами работ других научно-исследовательских учреждений.

Дальнейший ход работы по планированию представлялся Академии в следующем виде. Группы и учреждения Академии совместно с тематическим сектором Совета по изучению производительных сил пересматривают свои планы с точки зрения указаний Общего собрания. Плановая комиссия проверяет предположения учреждений. Затем планы выносятся на обсуждение частных конференций по специальным вопросам, созываемых под общим руководством Госплана СССР. В конференциях должны принять участие не только представители учреждений Академии совместно с представителями других научных учреждений, но также представители заинтересованных ведомств — ВСНХ, НКЗема, НКПроса и др. Наконец, для подведения итогов всей проделанной работы созывается общая конференция, которая и санкционирует как общие линии плана научно-исследовательской работы, так и произведенное размежевание работы отдельных учреждений.

К сожалению, по условиям, от Академии Наук не зависящим, провести серию столь широко задуманных конференций не удалось. Убедившись в их неосуществимости, Академия не отказалась, однако, от мысли проверить планы своих учреждений на менее широких совещаниях с участием внеакадемических учреждений и научных работников по соответственным отраслям знания. Такие совещания были созваны. Они прошли по разным группам учреждений не с одинаковым успехом, далеко не все приглашенные ответили на наш призыв. И, тем не менее, мы получили от совещаний целый ряд ценных указаний, которые должны быть приняты во внимание. Очень существенно, что представители внеакадемических учреждений получили возможность более внимательно присмотреться к работе Академии Наук. Наконец, не лишено значения то обстоятельство, что Академия Наук первой вступила на путь широкого обсуждения своих планов. Надо думать, что этот почин послужит толчком и для других учреждений и тем будет способствовать упорядочению планирования научно-исследовательской работы в нашем Союзе. В 1931 г. мы должны будем добиться более раннего составления планов, их проверки и согласования в более организованном порядке, с активным участием Госплана и ВСНХ и с привлечением к этому делу более широкого круга научных учреждений.

Весьма значительную часть общей научной работы Академии составляет работа экспедиционная. В этой работе у Академии Наук имеются большие достижения. Но с точки зрения новых установок Академии Наук в планах экспедиционных исследований прошлых лет были и очень существенные недостатки. Первым и основным из них является недостаточная увязка планов с актуальными проблемами социалистической реконструкции. Экспедиционная деятельность по самому существу не может быть изолирована от запросов окружающей жизни в такой мере, в какой это возможно по отношению к исследованиям камеральным. Но здесь отсутствие сознательной и последовательной ориентировки на общий план строительства грозит опасностью чрезмерного увлечения частными, местными и временными интересами. И действительно, Академии Наук не раз доводилось затрачивать свои силы на такие частные вопросы местного значения, которые могли бы быть разрешаемы

с неменьшим успехом организациями меньшего научного авторитета, а иногда и на такие, разрешение коих могло бы быть вообще без особого ущерба отложено. С другой стороны, ряд актуальнейших проблем оставался вне поля зрения Академии Наук. Обсуждая план экспедиционных работ на 1931 г., Академия отметила эти недочеты прежней работы и дала территориальному сектору Совета по изучению производительных сил совершенно точные указания для его будущей деятельности, — указания, вполне гармонирующие с изложенными выше общими принципами планирования. На территориальном секторе лежит сейчас очень ответственная задача по реализации указаний Общего собрания. Среди намеченных им для исследования тем есть ряд тем большой актуальности. Из них особенно выделяются исследования по Сибири, в частности — связанные с урало-кузбасской проблемой, которая получила сейчас такое исключительное значение в плане социалистической реконструкции. Совет по изучению производительных сил должен использовать все возможные источники материального и персонального обеспечения этих исследований, он должен доказать на этом частном примере не только готовность, но и способность Академии Наук активно содействовать делу социалистического строительства на одном из его ответственнейших участков.

Работа Академии на новом пути, указанном ей Уставом, не может итти с полным успехом без значительного обновления ее научных кадров. В составе научных работников Академии, каким он был на 1 января 1930 г., мы имеем, конечно, большое количество людей весьма высокой научной квалификации. Мы должны чрезвычайно бережно относиться к этому накопленному Академией богатству. Но в то же время мы должны осознать в полной мере, что люди, принципиально враждебные социалистическому строительству, люди, органически не способные принять новые установки Академии, являются для нее — даже в случае их действительной нейтральности — тяжелым балластом, мешающим ее движению вперед. Еще хуже, когда мы имеем дело с активным противником, лишь скрывающимся под маской нейтральности. С другой стороны, Академия должна стремиться к выработке научной методологии, основанной на материалистическом мировоззрении, она должна при-

нимать меры к устранению идеологического разрыва между ней и окружающей ее общественной средой. А это идеологическое переключение невозможно без привлечения к научной работе Академии людей, способных последовательно проводить в своих исследованиях методологию диалектического материализма. Все эти основания делают совершенно неизбежным продолжение пересмотра личного состава Академии Наук, процесса замены старых работников новыми. Этот процесс не может не быть болезненным, — наша задача сделать его возможно менее болезненным для Академии, — но остановить его значило бы отказаться от задачи, поставленной перед Академией всем ходом нашего исторического развития.

Я уже отмечал попутно, что в ряде учреждений нам удалось обеспечить марксистское руководство, либо достаточное влияние марксистской мысли. Таковы — кроме упомянутых мною Института востоковедения и Института по изучению народов СССР — также Яфетический институт, Музей антропологии и этнографии, Институт новой русской литературы, Археографическая комиссия, Комиссия по истории знаний, Музей книги, документа и письма. Но в ряде случаев мы наталкиваемся в этой нашей работе на препятствие, непосредственно не преодолимое — недостаток квалифицированных научных работников, владеющих в полной мере методом диалектического материализма. Так встает и перед нами во всей ее остроте та проблема, которая волнует сейчас работников всех отраслей нашего строительства — проблема подготовки новых кадров.

На путь подготовки научных кадров высокой квалификации Академия Наук вступила еще в 1929 г., когда была учреждена при Академии аспирантура. Аспирантов приема 1929 г. у нас в настоящее время 108. Почти 50% этого числа — члены ВКП (б) (50) и комсомольцы (3). Если принять во внимание нашу установку на марксистские кадры, это соотношение нельзя считать вполне удовлетворительным. Но все же оно обеспечивает нам в недалеком будущем возможность значительного пополнения наших учреждений научными работниками-марксистами. Особенно существенно, что больше половины аспирантов-коммунистов этого первого призыва специализируются по математическим и естественным наукам: до сих пор мы пополняли марксистами почти исключительно Отделение общественных

наук. Хуже обстоит дело с социальным составом этого приема: рабочие составляют в нем около 11%, крестьяне — около 20%. Создающее совершенно неприемлемую для нас монополию образования неравенство культурных условий все еще продолжает здесь сказываться.

Придавая громадное значение аспирантуре, Президиум Академии в 1930 г. преобразовал существовавшую ранее Аспирантскую комиссию в Комитет по подготовке кадров. Одновременно он поставил вопрос о создании при Академии наряду с основной группой аспирантуры — группы подготовительной. Опыт приема 1929 г. показал, что незначительный процент выходцев из рабочих и крестьян связан с повышенными требованиями, предъявляемыми к аспирантам со стороны их научной квалификации. От этих требований по отношению к основной группе мы не хотели отказаться, поскольку мы стремимся готовить высоко-квалифицированный персонал научных учреждений. Но мы не могли отказаться и от борьбы за продвижение до высших ступеней научного знания представителей пролетариата и крестьянства. Выход в виде подготовительной группы напрашивался сам собою. В подготовительную группу мы берем людей, окончивших высшие учебные заведения и проявивших способности к научной работе, — с тем, чтобы по истечении известного срока дополнительной подготовки перевести лиц, оправдавших данную им характеристику, в основное отделение. Прием на подготовительное отделение оправдал наши ожидания. Из 57 принятых мы имеем 60% членов ВКП(б) и комсомольцев, около 23% рабочих и свыше 50% — крестьян.

Дальнейшее развитие дела подготовки аспирантов ставит перед нами ряд новых задач. Очевидно, мы должны будем озаботиться созданием для работы этих новых кадров во время их подготовки благоприятной материальной и научной обстановки. Если аспиранты основной группы могут быть непосредственно допущены в научно-исследовательские учреждения Академии, то аспиранты подготовительной группы нуждаются еще в некоторой работе чисто учебного характера. Зачастую эту работу они проводят в высших учебных заведениях, но считать такое положение нормальным никак нельзя. Вполне возможно, что Комитету по кадрам придется развернуться в самостоятельный Институт по подготовке кадров со своею сетью учебно-вспо-

могательных кабинетов. На этом пути перед нами много трудностей, но останавливаться перед ними не приходится, если только мы оцениваем должным образом все значение разрешаемой нами проблемы.

Я старался в своем отчете характеризовать работу Академии Наук в ее основных линиях. Моей главной задачей было показать, что сделано Академией за истекший год для перестройки ее работы согласно новым установкам. Мне кажется, что общая оценка результатов этого года должна быть положительной. При всех отдельных наших неудачах и промахах, 1930 год доказал, что Академия может быть перестроена на новых основаниях, что она может стать живым органом научной мысли страны, строящей социализм. Для реализации этих возможностей многое уже сделано. Довести это дело до конца зависит от нашей уверенности в правильности поставленной цели и от нашей твердой воли направить все силы к ее достижению.

МОСКОВСКАЯ СЕССИЯ[1]

Последние два года были в жизни Академии Наук годами напряженной перестройки. Не без внутренней борьбы, подчас весьма упорной, Академия Наук ломала старые традиции и намечала новые пути своей работы. В основном, проделанный Академией Наук поворот может быть характеризован как поворот лицом к социалистическому строительству. Нет более былой „экстерриториальности“ Академии. Академия, конечно, еще не стала в полной мере тем, чем она должна быть в стране строящегося социализма, — многое в ней подлежит еще переделке. Но во всяком случае она вышла из тупика на большую и широкую дорогу, по которой ведет страну рабочий класс. Перестройка Академии очень и очень запоздала; ей предстоит сделать не мало, чтобы наверстать упущенное время; она еще отстает от других отрядов борцов за социализм; она должна занять место, соответствующее ведущей роли науки, в передних рядах великой армии труда. Достигнуть этого без самого тесного контакта с широкими пролетарскими массами невозможно.

Академия пополнила свой состав коммунистическими силами; она не в малой мере обновила свой научный аппарат; она реорганизовала, применительно к требованиям жизни, значительную часть своих учреждений; она достигла заметных успехов в борьбе с фетишизацией „чистой науки“, в борьбе за планирование научного труда. То, что ограждало Академию от живительного воздействия жизни с ее борьбою, с ее радостями строительства, — разрушено.

Наряду с непрекращающейся работой общего порядка, большинство учреждений Академии выполняет задания хозяйственных организаций, — задания, связанные с практическими нуждами текущего дня. Перестроена вся система экспедиционной работы в связи с общим планом социалистического строительства.

---

[1] Вестник Академии Наук, 1931, № 5. Чрезвычайная сессия в Москве состоялась 21—26 июня 1931 г.

В частности Академия взяла на себя ряд ответственных обязательств по урало-кузбасской проблеме. Отношение между Академией и ее учреждениями, с одной стороны, — ВСНХ и хозяйственными объединениями, с другой, стали гораздо более живыми и непосредственными. Наконец, Академия включилась в большую общую работу по планированию науки, приняв самое деятельное участие в созванной Госпланом и НИС ВСНХ конференции.

Таким образом, воздействие жизненных интересов нашей борьбы и нашего строительства сказывается во всех моментах, во всех сторонах академической работы. И все же чувствуется еще, с одной стороны, опаска — как бы не был нанесен ущерб науке чрезмерным практицизмом, а с другой, недоверие — да сможет ли это учреждение, столь устарелое по типу, дать что-либо нашей стройке? Конечно, с этой опаской и с этим недоверием надо покончить, чтобы Академия действительно вошла органической составной частью — такой необходимой — в научный аппарат, служащий делу величайшего в мировой истории преобразования.

Социализм не может быть построен без широчайшего использования научных достижений в самых разнообразных областях. Ни один общественный строй никогда не предъявлял такого спроса на науку. Эти истины известны и понятны сейчас всякому сознательному рабочему, всякому сознательному борцу за социализм. Не менее известно и понятно, как нужна нам наука на данном этапе нашего строительства — и в деле реконструкции промышленности и в деле коллективизации сельского хозяйства. Чтобы окончательно упрочить победу социализма в нашей стране, мы должны технически догнать и перегнать капиталистические страны. А для осуществления этого лозунга необходимо соединение творческого трудового энтузиазма пролетариата с целеустремленным напряжением научной мысли, направленной на разрешение стоящей перед нами грандиозной задачи.

Перестраиваясь на новых началах, Академия Наук осознала необходимость войти в непосредственное соприкосновение с пролетарской общественностью, разрушив тем самым еще живое (хотя и основанное на воспоминании о предыдущем этапе в жизни Академии) представление о ней, как о каком-то чуже-

родном теле. С другой стороны, пролетарская общественность вправе предъявить к Академии требование показать, что она, действительно, искренне стремится итти в ногу со строящим новую жизнь пролетариатом. Предъявляя такое требование, рабочий класс страны помогает Академии в деле ее обновления, в деле ликвидации вредного наследия прошлого.

Таковы были обстоятельства и соображения, побудившие Президиум Академии Наук немедленно и со всей готовностью откликнуться на мысль, впервые возникшую в кругах московского пролетариата, — о созыве экстренной сессии Академии в Москве. Эта сессия будет носить своеобразный характер.

Она будет посвящена почти целиком научным докладам особого типа. Заседания Академии вообще публичны. Для заседаний экстренной сессии нужно создать такие условия, чтобы посещение их было доступно возможно большему числу московских рабочих. В связи с этим доклады должны быть построены так, чтобы быть понятными широкой аудитории, — без ущерба, конечно, для научности изложения. С другой стороны, доклады не должны представлять собою какой-то окрошки тем, относящихся к разным отраслям знания. Они должны быть объединены некоторой общей идеей. Что может дать наука для осуществления лозунга „догнать и перегнать капиталистические страны“ — такова должна быть общая установка всей работы сессии. Задача каждого доклада — отметить основные достижения данной отрасли науки, их практическое значение и возможность их использования для дела социалистической реконструкции.

Хотя доклады и будут читаться перед широкой аудиторией, мы считаем это все же недостаточным. Академия Наук, в лице своих отдельных членов, должна войти в контакт непосредственнно с промышленными предприятиями Москвы и, если это окажется возможным, Московской области.

Во время сессии должно быть выделено особое время для выезда академиков в районы и для докладов там. Было бы очень желательно, чтобы московский пролетариат на план работы сессии Академии ответил своим встречным планом. Некоторые из пунктов такого плана могли бы быть, по всей вероятности, осуществлены еще во время самой сессии; другие, требующие

предварительной проработки, должны были бы быть учтены в производственном плане Академии на будущее время, как специальное задание московского пролетариата.

Экстренная сессия Академии подводит итог определенному периоду в реорганизации Академии и открывает в ее жизни новую страницу. Сессия отмечает создание новых отношений между группой наиболее квалифицированных научных работников страны и строящим социализм пролетариатом. Она должна послужить толчком, ускоряющим исторический процесс, ведущий к превращению наиболее ценных элементов этой группы в научный штаб великой армии борцов за социализм.

ПО НОВОМУ ПУТИ — К НОВЫМ ПОБЕДАМ[1]

Товарищи, мы имеем счастье жить в один из величайших, в один из ответственнейших моментов мировой истории. Кончается длительная полоса исторического развития, — полоса, имеющая своим характерным признаком борьбу классов и классовую эксплоатацию. На одной шестой части территории земного шара заложен фундамент нового, бесклассового социалистического общества. На Западе происходит становящееся все более наглядным даже для сторонников капитализма разложение последней антагонистической общественной системы. Здесь, у нас, в Советском Союзе, с каждым годом все ускоряющимися темпами идет строительство новых форм человеческого общежития. Этот величайший исторический момент со всеми его особенностями не может не отражаться и на судьбах науки. Пропасть между двумя мирами расширяется все более и более. Нет больше места даже для видимости какой-то нейтральной науки. Известные группы ученых, те или иные представители научного мира связывают свою судьбу с разлагающимся капиталистическим строем; их наука обречена на гибель, на превращение в лженауку, на разложение вместе с капитализмом. А у нас в Советском Союзе все растет и крепнет когорта научных работников, неразрывно и навсегда, безоговорочно и искренно связавшая свою деятельность со строящимся социализмом.

Какое положение в борьбе этих двух миров занимает и должна занимать наша Всесоюзная Академия Наук? Ответ на этот вопрос ясен, и самый факт выхода Академии Наук к пролетарским массам сначала в красной столице — Москве, затем здесь в Ленинграде, должен быть истолкован прежде всего как выявление твердой решимости Академии Наук включиться в великое дело социалистического строительства.

---

[1] Вестник Академии Наук, 1931, № 10. Заключительное слово на последнем заседании чрезвычайной Ленинградской сессии, посвященной проблеме производительных сил Ленинградской области и состоявшейся 23—30 ноября 1931 г.

Значительное число работников Академии в течение Ленинградской сессии побывали в центрах культурной работы наших пролетарских районов, побывали на крупнейших предприятиях Ленинграда. Какие впечатления они должны были и могли оттуда вынести? Мне кажется, что эти впечатления должны были закрепить и подчеркнуть то, что для большинства было ясно уже в результате опыта Московской сессии. Если были в среде работников Академии Наук люди колеблющиеся, люди, в известной мере опасающиеся непосредственного соприкосновения с рабочим классом, люди, испытывающие сомнения, как бы это „принижение“ науки до рабочих масс не сказалось в снижении теоретического уровня научных исследований,—если, повторяю, были у нас такие люди, то после опыта Московской и Ленинградской сессий их быть не должно.

При встречах пролетариата с представителями Академии Наук выявилась колоссальная тяга рабочего класса к знаниям, ясная оценка в рабочем классе правильного соотношения между теорией и практикой, неразрывной связи между теорией и практикой. Мало того, в среде рабочего класса выявились самостоятельные ростки научно-исследовательского интереса, научно-исследовательской мысли, — предвестники грядущего уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом. Мне кажется, что всякого рода опасения самых подозрительных и скептически настроенных людей должны были рассеяться.

Но пролетариат, показавший на какой высоте понимания значения теоретической мысли он стоит, предъявил в то же время к Академии Наук, как высшей в стране организации, объединяющей в себе наиболее квалифицированных научных работников, весьма высокие требования. Пролетариат возлагает на Академию большие надежды. Пролетариат твердо уверен, что включение Академии Наук в дело социалистического строительства не на словах, а в реальной работе, что это включение поможет ему разрешить ряд стоящих перед нами основных проблем строительства. На эти запросы нужно суметь ответить, это требование нужно суметь удовлетворить.

Мы многое уже сделали в Академии Наук для того, чтобы приспособить ее организацию к выполнению задач социалистического строительства. Но много еще трудностей перед нами

впереди. Надо перестроить еще многое в Академии Наук, надо создать в Академии Наук новые учреждения для разрешения таких научных задач, которые непосредственно связаны с практическим строительством.

Необходимо перестроить в известном смысле самую организацию работ Академии в целом. Совершенно бесспорно, и на это уже не раз указывалось, — что невозможно разрешить все проблемы, которые выдвинуты пролетарской общественностью перед Академией Наук,—опираясь на силы одной только Академии, хотя бы и увеличенной значительным числом включенных в ее состав представителей техники, хотя бы с возросшим числом новых научно-технического характера учреждений. Академия Наук, очевидно, должна поставить свою работу таким образом, чтобы, являясь мощным центром и мощным кулаком научно-исследовательских учреждений, в то же время вступить в тесную связь со всеми научно-исследовательскими ячейками вплоть до заводских исследовательских лабораторий и выступить в этой большой связанной системе в роли ответственного организатора.

Наука должна у нас в Советском Союзе двигаться вперед широким развернутым строем, большим научным коллективом, а не изолированными усилиями отдельных, хотя и высоко квалифицированных научно-исследовательских учреждений.

Таковы задачи. Трудности очень велики, но силы для их преодоления мы несомненно найдем в том самом тесном контакте с пролетарскими массами, который мы имели в настоящую сессию, в той горячей поддержке новым начинаниям Академии, которую мы встретили со стороны пролетарской общественности.

Вперед под руководством великой Ленинской коммунистической партии по новому пути — к новым победам!

ПРИВЕТ XVII ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ОТ АКАДЕМИИ НАУК[1]

Академия Наук постановила приветствовать XVII Всесоюзную партийную конференцию, избрав для этого делегацию в составе меня, как непременного секретаря Академии, академика И. М. Губкина, академика А. Ф. Иоффе и академика Н. С. Курнакова.

Самый факт посылки делегации от Академии Наук на Всесоюзную партийную конференцию заслуживает некоторой оценки. Не случайно, что наше выступление приурочено к дискуссии по хозяйственным вопросам. Чем больше наши успехи в социалистическом строительстве, чем больше мы подвигаемся по тому пути, который намечен основными решениями нашей партии, тем более существенным фактором в нашей работе является то звено, которое представлено научными учреждениями. Лозунг „технически догнать и перегнать капиталистические страны" — разве может быть осуществлен без колоссального напряжения научной мысли, без вовлечения всех научных учреждений Союза в большую работу по подведению теоретического фундамента под новую техническую методику? Заимствовать те или другие технические приемы в странах Западной Европы и Америки, — это для нас уже совсем недостаточно. Нам необходимо теперь теоретически продумать основы новой, более совершенной технической методики.

Еще недавно Академия Наук стояла в стороне от большой социалистической стройки, происходящей в СССР. Академия Наук старалась жить как-то особняком. Она считала возможным, замкнувшись в своей изолированности, находиться будто бы „ни в тех, ни в сех", культивировать какую-то „чистую науку".

То обстоятельство, что мы пришли сейчас сюда и пришли не только как члены партии, но и как представители Академии

---

1 Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 2 февраля 1932 г., № 32 (4599).

Наук, свидетельствует о большом и решительном повороте в работе Академии Наук. Академия Наук, которая несколько лет назад считала, что она может существовать как какой-то чужеродный элемент в нашей советской системе, эта Академия Наук повернулась к обслуживанию основных нужд социалистического строительства. Академия Наук рассматривает себя как одно из звеньев единой великой цепи, спаянной идеей социализма. Академия Наук принимает все меры к тому, чтобы внедрить в свою работу метод диалектического материализма.

В чем конкретно выражается этот поворот Академии Наук к социалистическому строительству, поворот к пролетариату и к его великой борьбе? Если вы всмотритесь в деятельность Академии Наук за последние два года, то один факт должен будет вас всех поразить — это обилие тех договоров, тех связей, которые существуют между Академией Наук в целом или между отдельными ее учреждениями, с одной стороны, и нашими хозяйственными организациями — с другой. У нас есть договор с Высшим советом народного хозяйства, действующий с 1931 г. У нас есть договоры, связывающие отдельные наши институты с отдельными хозяйственными объединениями. Наконец, товарищи, Академия Наук идет навстречу потребностям отдельных республик Союза, отдельных наших краев и областей и при составлении своих производственных планов учитывает также и эти нужды. Можно сказать с уверенностью, что бо́льшая часть работы, производимой сейчас Академией Наук, связана именно с потребностями различного рода советских и хозяйственных организаций. Это, само собой разумеется, не означает, что Академия Наук совершенно забывает о ведущей роли науки, что она, идя навстречу разрешению таких проблем, которые выдвигаются сегодняшним днем, забывает о необходимости подводить теоретическую базу под дальнейшую практическую работу; это было бы нездоровым уклоном в деятельности Академии Наук, и такого уклона в руководстве Академии Наук нет. Но мы продолжаем усиленно напирать при построении плана Академии Наук не на вопрос о необходимости сохранения большой теоретической работы, а на вопрос о необходимости учитывать практические потребности социалистического строительства именно потому, что как-раз на этом участке Академия Наук более всего отставала.

Установив связи договорного порядка, включив в планы Академии Наук разрешение задач, поставленных практикой социалистического строительства сегодняшнего дня, мы, однако, убедились в 1931 г., что эту связь необходимо практически закрепить, необходимо работников Академии Наук непосредственно сблизить с широкими пролетарскими массами.

Былая изоляция Академии Наук чрезвычайно вредно отразилась на психологии очень многих работников Академии. В психологии этих работников выросла какая-то стена, которая не позволяла им видеть кипучей жизни и кипучей стройки, происходящей вокруг них. Эту стену нужно было сломать во что бы то ни стало, и в то же время нужно было показать широким массам пролетариата, что Академия Наук поворачивает на путь обслуживания строительства. Для этой цели в течение 1931 г. мы организовали две выездных сессии Академии Наук. Первая из них была организована здесь, в Москве, в июне. Она была посвящена общей теме „Что может дать наука для осуществления лозунга догнать и перегнать капиталистические страны". Конечно, товарищи, очень возможно, что в этом нашем первом опыте были отдельные недостатки, но тем не менее самый факт выступления Академии Наук с докладами перед широкой аудиторией на темы, связанные с социалистическим строительством, и посылки Академией Наук ряда бригад на предприятия Москвы и Московской области, самый этот факт свидетельствовал о большом сдвиге в настроении работников Академии Наук и в то же время закреплял этот сдвиг, стимулируя дальнейшее движение по тому же пути.

Вторая сессия происходила в ноябре в Ленинграде и была посвящена более специальной теме „Производственные ресурсы и перспективы развития производительных сил Ленинградской области". После первого опыта в Москве эту сессию удалось организовать значительно лучше, значительно совершеннее, и во время сессии уже 35 бригад Академии Наук посетили отдельные предприятия и районные центры Ленинграда.

Это, товарищи, одна линия, по которой мы стремились закрепить связь Академии Наук с социалистическим строительством. Была и другая линия. Наша великая социалистическая стройка создает новые центры хозяйственной жизни, которые нуждаются как в научных учреждениях, которые должны быть

непосредственно связаны с промышленностью, так и в научных учреждениях более теоретического порядка, способных подвести теоретическую базу под то или иное разрешение конкретных проблем.

Так возникло движение в пользу организации отделений Академии Наук на местах. Академия Наук тотчас же откликнулась на это движение. Академия Наук поставила своей задачей в течение 1932 г. приступить к организации своих отделений на Урале, в Западной Сибири, на Дальнем Востоке, в Закавказьи, в Средней Азии и в Восточной Сибири.

Чем охотнее шла Академия Наук навстречу потребностям социалистического строительства, чем определеннее она поворачивалась лицом к социалистической стройке, тем выше и выше подымалась волна идущих к ней требований. Это и понятно. Как только увидели, что Академия Наук может включиться в работу, сейчас же по самым различным направлениям, из самых различных организаций посыпался целый ряд требований о разрешении тех или иных научных проблем. Количество этих требований в настоящее время настолько велико, что становится совершенно ясно, — невозможно только одними своими силами Академии Наук разрешить всю сумму этих проблем, как не в состоянии их разрешить своими изолированными силами и никакое другое из наших научно-исследовательских учреждений. Так в Академии Наук созрело убеждение в том, что единому плану социалистического строительства в области хозяйства должен соответствовать единый план социалистического строительства в области науки.

Большие проблемы, которые ставит строительство перед научной мыслью, могут быть разрешены только в том случае, если все научные учреждения Союза в известном смысле спаяются в единый научный коллектив. Если этот единый научный коллектив, который, конечно, сплачиваясь, отнюдь не будет погашать индивидуальности отдельных учреждений, будет работать по единому плану, под руководством коммунистической партии, то мы с большими задачами, поставленными перед наукой, справимся легко и просто.

Эту мысль о необходимости координации научно-исследовательской работы, о необходимости создания единого плана научно-исследовательской работы, единой системы научно-

исследовательских организаций, в которой Академия Наук по квалификации работников займет определенное место, — эту мысль я хотел бы решительно подчеркнуть перед Всесоюзной партийной конференцией.

Академия Наук стремится включиться в единую плановую систему научно-исследовательской работы. Академия Наук стремится стать одним из отрядов той великой армии социалистических строителей, той великой армии борцов за будущее коммунистическое общество, руководителем которой является великая Ленинская коммунистическая партия.

АКАДЕМИЯ НАУК В 1931 г.[1]

Итоги работы Академии Наук за 1931 г. не могут быть рассматриваемы изолированно, без связи с теми установками, какие были приняты Академией в предыдущем, 1930 году. Процесс реорганизации Академии, обусловленный ее новыми задачами, — процесс сложный и по необходимости длительный. Его нельзя считать закончившимся. Академия доказала, что она „может быть перестроена на новых основаниях, что она может стать живым органом страны, строящей социализм". Для реализации этих возможностей было многое сделано уже в 1930 г. Продолжать эту работу со всей настойчивостью, намечать новые пути приближения к поставленной нами цели, изыскивать способы возможно скорого ее достижения, таковы были основные задачи Академии Наук в истекшем году.

В 1930 г. было принято решение об организации Музея по истории религии на основе развернутой Академией антирелигиозной выставки, была принципиально одобрена Академией идея создания Института славяноведения, возникла мысль о Лаборатории биохимии и физиологии животных. В 1931 г. все эти учреждения были включены в нашу сеть. Музей по истории религии и Институт славяноведения — при надлежащем развитии работы — должны занять особое место в ряду научных учреждений Советского Союза. Ведущаяся у нас антирелигиозная пропаганда имеет широкий размах. Между тем до настоящего времени не существовало учреждения, которое могло бы поставить на должную научную высоту дело изучения истории религии и тем создать для пропагандистской работы необходимую теоретическую базу. Этот пробел и стремится Академия заполнить. Институт славяноведения является единственным в Союзе учреждением, работающим над проблемами истории и литературы славянских народов. Создание у нас в Академии центра изучения славянских народов — центра, руководящегося в своей

[1] Речь на торжественном годовом собрании Академии Наук 29 февраля 1932 г.

работе принципами марксо-ленинской методологии, не может не иметь серьезного международно-научного значения.

Как и в 1930 г., мы стремились к возможному укрупнению учреждений, к возможной концентрации деятельности Академии в каждой специальной области. Исходя из этого, мы объединили всю языковедную работу Академии в новом Институте языка и мышления, влив в него и Яфетический институт и Комиссию по изучению русского языка. Мы постановили также объединить работу в области русской литературы, слив Институт новой русской литературы и Комиссию по древней русской литературе в единый Институт русской литературы. Мы считаем, что эти мероприятия помогут нам надлежащим образом перестроить на новых началах исследовательский и издательский план Академии в части языковедения и литературоведения, обеспечив его выполнение под марксистским руководством. Аналогичное мероприятие было проведено и в составе учреждений Отделения математических и естественных наук, где были объединены в Институт ботаники два основных ботанических учреждения: Ботанический сад и Ботанический музей. В форме Института ботаники создан, несомненно, крупнейший в Союзе научный центр, объединяющий в своем составе наиболее авторитетный коллектив ученых-ботаников.

Меньшее значение имеет, конечно, работа, проведенная Академией по уточнению номенклатуры учреждений. Тем не менее надлежит и на ней остановиться.

Сеть учреждений Академии создавалась, разумеется, не в соответствии с каким-либо продуманным планом. Отдельные учреждения имеют весьма различное историческое происхождение и различную давность. В процессе своего развития многие из них давно уже утратили свои первоначальные установки, однако сохранили свои старые наименования. Без исторических справок зачастую невозможно понять, почему из трех учреждений, ведущих, — каждое в своей специальности, — аналогичную работу, одно называется Комиссией, второе — Музеем, третье — Институтом. Особенно неясна в нашей практике грань между институтом и комиссией: в ряде случаев комиссии явным образом имеют тенденцию перерасти в институты. Все эти обстоятельства побудили Президиум провести через Общее собрание особое положение о комиссиях, определяющее их состав и функ-

ции. Одновременно мы переименовали одну из наших комиссий — археографическую, давно уже выросшую в большое и сложное учреждение, — в Историко-археографический институт. Повидимому, назрело уже время переименовать в институт Комиссию по истории знаний. Переименованы в Институты также три Музея, ведущие помимо музейной чисто исследовательскую работу: Зоологический музей, Музей книги, документа и письма и Лесной музей.

Перечисленные изменения в сети и номенклатуре учреждений привели к соответственным изменениям в положениях о них. Но большинство учреждений работало на основе положений, утвержденных в 1930 г. Необходимо отметить, что один из пунктов этих положений — и при том один из важнейших пунктов — внедряется в практику учреждений с большими трудностями и совершенно недостаточно. Я имею в виду организацию советов при учреждениях. Советы призваны играть существенную роль в организации работы институтов. Совет есть орган, связывающий институт и с академической общественностью и с заинтересованными в его работе ведомствами и учреждениями. Институты Академии Наук не должны, да и не могут уклоняться от такой связи. Это стояло бы в явном противоречии с общим направлением работы Академии в настоящий момент. Между тем советы и до сей поры не развернули как следует своей работы. В прошлогоднем отчете я указывал, что планы учреждений в большинстве случаев не рассматривались в советах. К сожалению, это приходится повторить и в отчете за 1931 год. Бездеятельность советов приводит к весьма нежелательным последствиям. Критические замечания по планам или по отчетам учреждений, замечания, подчас весьма существенные, не могут быть заслушаны и приняты во внимание своевременно, в организованном порядке. Они от этого не исчезают; так или иначе они доходят до руководящих органов Академии, но уже post factum, в порядке некоторого конфликта, вредного для нормальной жизни учреждения и по существу ненужного. Директорам учреждений, в интересах планомерности работы, необходимо приложить все усилия к тому, чтобы превратить советы в живые и действенные органы.

Очень плодотворной оказалась выдвинутая впервые в 1930 г. и тогда же проведенная в жизнь идея ассоциирования учрежде-

ний Академии. В составе ассоциаций произошли за 1931 г. некоторые изменения. Три биологических ассоциации (или института) — общей биологии, зоологическая и ботаническая — слились в единую биологическую ассоциацию. Палеозоологический институт перешел из геологической ассоциации в биологическую. От перекрестного ассоциирования мы отказались, в связи с чем была упразднена геохимическая ассоциация, и биогеохимическая лаборатория вошла в состав химической ассоциации. Таким образом, мы имеем теперь в составе Отделения математических и естественных наук четыре ассоциации, приуроченные к соответственным группам: химическую, геологическую, географическую и биологическую. Из учреждений Отделения лишь учреждения группы математики, физики, техники и астрономии не были ассоциированы. Но и их объединение вполне созрело, и в ближайшем будущем к четырем существующим ассоциациям прибавится еще одна — физико-математическая. Образовали также ассоциацию и учреждения Отделения общественных наук: Институт языка и мышления, Институт по изучению народов СССР, Музей антропологии и этнографии, Институт книги, документа и письма. Эта ассоциация пока не проявляет особой активности и не успела доказать своего права на существование.

Создание — в виде бюро ассоциации — нового организационного звена между Отделением, Группой и Президиумом с одной стороны, руководством учреждения с другой — вызвало потребность в регламентации их взаимоотношений. В целях такой регламентации Общее собрание утвердило особое временное положение об ассоциациях. Только проверка жизненной практикой даст нам возможность перейти от этого временного положения к постоянному. Однако уже сейчас можно сказать, что требования жизни диктуют нам укрепление бюро ассоциации с передачей ему новых функций. Работа учреждений Академии все более расширяется, темпы ее ускоряются. Общие органы Академии могут осуществлять руководство этой работой по существу, лишь опираясь на такие организационные ячейки, какими являются бюро ассоциаций. Известная децентрализация, передача бюро ассоциаций права разрешения ряда вопросов текущей жизни учреждений, восходящих в настоящее время в Президиум, передача им ряда хозяйственных дел разгрузят Президиум и позволят ему уделять больше времени и внимания основным,

крупным вопросам деятельности Академии. Точно так же организация при бюро ассоциаций редакционных групп упростит и облегчит задачи Редакционно-издательского совета, даст ему возможность ближе подойти к существу редакционной работы.

Большое внимание Академии в 1931 г., как и в 1930 г., привлекали вопросы планирования работы. Мы приступили к этому делу в мартовской сессии, когда были утверждены общие директивы к составлению плана на 1932 г., и окончательно утвердили план в декабрьской сессии. Конечно, длительность процедуры свидетельствует о некоторой неналаженности в Академии дела планирования. Но приходится считаться с тем, что это был в сущности первый опыт подобного рода в жизни Академии. Впервые Академия получила общий тематический план, одобренный в основном на апрельской сессии. Впервые учреждения проработывали свои планы, исходя из этого общеакадемического плана. Надо думать, что в предстоящем году порядок прохождения плана, определенный постановлением Общего собрания от 3 октября 1930 г., потребует от нас значительно меньше времени.

По примеру предыдущего года планы ряда учреждений были проведены через конференции, на которые приглашались представители общественных организаций, заинтересованных ведомств и ведущих аналогичную работу научных институтов. Так, в феврале 1931 г. была осуществлена Всесоюзная геоботаническая конференция; 4—6 июня была проведена конференция по литературоведению и русскому языку; 7—9 июня — этнографо-лингвистическая конференция; 16—17 сентября — конференция по Институту востоковедения. Конференции внесли в планы значительное число изменений и дополнений. Однако опыт показал, что осуществить в течение года конференции по всем, или хотя бы по большинству научных дисциплин, представленных в Академии, невозможно даже при содействии Госплана СССР. Конференции, созываемые только для обсуждения планов соответственного академического учреждения, привлекают обычно недостаточное число представителей. Конференции общесоюзного характера, конференции, созываемые для просмотра и согласования планов по возможности всех учреждений, работающих в данной области, — предприятие слишком громоздкое. Повидимому, от конференций первого типа нам при-

дется отказаться, перенеся просмотр планов на расширенные заседания советов институтов и ассоциаций, — по примеру Сейсмологического института. Конференции второго типа мы, конечно, будем созывать и впредь, выбирая для них весьма ограниченное число дисциплин, наиболее такого общесоюзного планирования требующих.

Как я уже говорил, в течение 1930 г. мы сделали не мало для того, чтобы включить Академию Наук в работу по социалистическому строительству. Как отразилось это на деятельности наших учреждений и на ее результатах в 1931 г.? Вот небольшое число примеров.

Совет по изучению производительных сил организовал в истекшем году 45 экспедиций в составе 86 отрядов. Прежде всего необходимо сказать о методике проведения этой громадной работы. Еще до начала работ экспедиций их планы были согласованы с правительственными, в частности с плановыми органами тех республик, краев и областей, на территории которых экспедиции направлялись. Для того, чтобы этот необходимый контакт с местными органами не обрывался в процессе работы, руководителям экспедиций было дано поручение выступать на местах с докладами и статьями в местной прессе, освещающими задачи и результаты экспедиций. Сверх того в течение лета Советом были посланы особоуполномоченные на Кольский полуостров, в Башкирскую АССР, в Казакстан, в Среднюю Азию, в Закавказье, на Урал, в Западную и Восточную Сибирь, в Крым и на Дальний Восток. Уполномоченными были проведены совещания на местах. Наконец, в Ленинграде с участием представителей мест были проведены конференции по изучению производительных сил — Кольская, Казакстанская, Западно-Сибирская, Бурято-Монгольская, Дальневосточная и др. Таким образом, Совет принял ряд мер к тому, чтобы с возможной полнотой учесть в своей полевой работе потребности и пожелания тех районов, в которых эта работа производится. В частности, по Кольскому полуострову работа была согласована с Трестом „Апатит“, с Ленинградским облпланом, Мурманским окрисполкомом и окрпланом, работа в Башкирии была согласована с Башсовнаркомом, Башгоспланом, Башкирским отделением Зернотреста; работа в Кулундинском и в Кузнецко-Алтайском районе — с Западно-Сибирским крайпланом и т. д. и т. д.

Обращаясь к результатам экспедиций, я отмечу лишь в порядке нескольких произвольно взятых примеров то, что имеет непосредственное значение для хозяйства страны. На Кольском полуострове наибольший интерес представляют работы в районе Волчьих Тундр. Железные и сульфидные руды Волчьих Тундр, обнаруженные исследованиями этого года, по утверждению отчета экспедиции, несомненно высокого качества; предварительное обследование позволяет говорить о промышленном их значении. Сульфидные руды могут быть использованы как сырье для цветной металлургии. Селигеровской сапропелевой экспедицией определены запасы водных сапропелевых отложений (75—90 миллионов тонн сырья) и тем разрешен вопрос о целесообразности перевода Осташковского завода на переработку сапропеля. Волжско-Каспийской экспедицией выявлено крупное промышленное значение оз. Эльтон, как базы для добычи хлористого магния, основными потребителями которого являются строительство НКПС и заводы по выплавке металлического магния. Башкирской экспедицией выполнены почвенные карты для крупных совхозов, общей площадью 759 588 га; развернуты полевые работы в четырех районах южной части Башкирии и в левобережьи Бирского кантона по сплошной почвенной съемке. Почвенные обследования послужат основанием для установления севооборота, применения соответственных методов обработки и т. д. Казакстанская экспедиция подготовила разрешение комплекса вопросов, связанных с индустриальным освоением района оз. Балхаш. Кызыл-Кумская и Памирская экспедиции дали большой материал, выясняющий сырьевую базу горной промышленности (асбест, медь, золото). Уральские экспедиции были целиком связаны своими заданиями с проблемами уральской горной и металлургической промышленности. Кузнецко-алтайская экспедиция сосредоточила свое главное внимание на изучении железорудных месторождений горной Шории и дала в этом отношении весьма важные в хозяйственном смысле результаты; вместе с тем ею обнаружены признаки того, что изучаемый район может представлять также значительный интерес в отношении меди и марганца. Кузбасской геофизической экспедицией определено протяжение угленосных пластов каменноугольной свиты Кузнецкого бассейна и выявлен новый район для детальных исследований на железную руду.

Южно-Сибирской флористической экспедицией собрано 27 видов эфироносных растений и 50 видов каучуконосов. Ангарская трапповая экспедиция выяснила запасы траппов, являющихся ценным строительным материалом, вполне пригодных для плавки, в Тулунском, Нижнеудинском, Уковском и Братском районах; сверх того ею выявлена возможность обнаружения в Братском районе и ниже по Ангаре выходов медных сульфидных руд.

Перехожу к учреждениям Академии. Была ли их работа увязана с потребностями и запросами социалистического строительства? Конечно, здесь, как и следовало ожидать, эта связь выступает не так ясно. Необходимо признать, что в некоторых областях работы она явно недостаточна. Но все же и по этой линии мы можем отметить не мало фактов положительного характера. Наиболее тесно связана с хозяйственными интересами работа учреждений Химической ассоциации. Так, работа Лаборатории общей химии проходила в непосредственном контакте с Всехимпромом, с Комитетом по химизации, с Химпроектом, с заводом лит. А Резинообъединения, с заводом № 6 и т. д. Институт физико-химического анализа вел исследования по изучению бромо-калиевых равновесий в связи с эксплоатацией Соликамских месторождений, — по заданию НИУ и Всехимпрома, — и по изучению содовых равновесий в связи с эксплоатацией содовых озер Западной Сибири — тоже по заданию Всехимпрома; сверх того Институт принимал участие в разрешении целого ряда научно-технических вопросов (рассмотрение проектов соляных промыслов и заводов во Всехимпроме, участие в конференции по магнию и т. п.). Лаборатория высоких давлений работала над проблемами получения жидкого топлива, по синтезу металло-органических соединений свинца, по парофазному крэкингу первичных смол из черемховских углей и барзасских сапропелитов; лаборатория была связана с рядом учреждений, в том числе с Всехимпромом и трестом „Коксобензол“. Институт по изучению платины работал в контакте с Цветметзолотом, по заданиям Государственных Аффинажного и Фарфорового заводов, над проблемами, связанными с аффинажем, анализом и изучением сплавов платиновых металлов. В Лаборатории органического синтеза — по договору с Резинообъединением — велись работы по получению синтетического каучука, исходя из ацетилена.

Следующее место по активности отклика на запросы социалистического строительства занимают учреждения геологической группы. Из круга проблем, разрабатывавшихся Геохимическим институтом, — почти все они тесно связаны с хозяйственными интересами, — отмечу хотя бы только две: работу по промышленному использованию нефелина (в кожевенной и текстильной промышленности) и обработку материалов по сурьмяно-ртутным месторождениям южной Ферганы. Минералогический институт в связи с Урало-Кузбасской проблемой выдвинул тему — минералогия и геохимия Южного Урала. Петрографический институт вел работу по обследованию строительных материалов Кузнецкого бассейна и Алтая, по траппам в районе Ангарстроя, по использованию в качестве строительных материалов продуктов вулканической деятельности; вместе с тем в Институте велись исследования процессов минералообразования в керамическом производстве. Работы Геологического института были связаны с проблемой Урало-Кузбасса (участие в работах по стратиграфии угленосных отложений Кузнецкого бассейна), с проектированием Беломорского канала, с выявлением минеральных ресурсов Севера, с энергетическими и мелиорационными установками Закавказья и Предкавказья. Деятельность Соляной лаборатории была полностью ориентирована на разрешение задач хозяйственного значения: проблема сульфата и других минеральных солей в Арало-Каспийском районе, соляная проблема Западной Сибири, проблема получения поваренной соли из воды океана в условиях Дальнего Востока и т. д.

Из учреждений Биологической группы первым надлежит упомянуть Ботанический институт. К сожалению, вся его работа в этом направлении не может быть полностью выявлена, так как в его практике, как и в практике ряда других учреждений Академии, до сих пор имеют место случаи выполнения тех или иных заданий ведомств или хозяйственных объединений, а подчас и научных учреждений, в индивидуальном порядке, согласно отдельных поручений отдельных сотрудников. Такие работы, проводимые на базе Института сотрудниками Института, обычно в отчете не регистрируются и актива Академии вследствие этого формально не увеличивают. Поскольку мы можем говорить здесь о формально зарегистрированном, следует указать на

работу — как экспедиционную, так и камеральную — по каучуконосам, по лекарственным растениям, на ботаническое обследование вновь организуемых совхозов — гигантов по заданиям Госземтреста, на работу групп по освоению тундры для оленеводческого хозяйства и по горным пастбищам Кавказа, на работу по озеленению завода „Электроприбор“. Ботанический институт организовал, наконец, большую работу над подготовкой издания „Флоры СССР“ — полного инвентаря растительного сырья Союза. Все прочие биологические учреждения были также более или менее тесно связаны в своей деятельности с задачами хозяйственного строительства. Надлежит выделить среди них Байкальскую лимнологическую станцию, согласовавшую план своих работ с Госрыбтрестом, Гидроэлектростроем и Ангарстроем и разрабатывавшую вопросы о подтягивании вод Байкала Ангарою, об образовании донного льда, о термическом режиме Ангары. Само собой разумеется, что Лаборатория прикладной зоологии уже по своим основным установкам вела работу практического значения. В общем же надо сказать, что зоологические учреждения с бо́льшим трудом нащупывают контакт с хозяйственными запросами.

Достаточно насыщена проблемами практического значения была деятельность географических учреждений. Работа Песчано-пустынного института шла в двух основных направлениях: 1) по проблеме генезиса песчаных пустынь и по разработке мер борьбы с песками; 2) по изучению пустынных территорий как объектов использования. Работа эта была согласована и с центральными союзными органами (Госплан СССР) и с органами республиканскими (Узбекистана и Туркменистана). С другой стороны, Полярная комиссия принимала самое активное участие в работе II Конференции по изучению производительных сил Севера, поставила там ряд докладов, обслуживала Комиссию Госплана РСФСР по планированию научно-исследовательских работ на крайнем Севере и т. д.

Учреждения Отделения общественных наук не мало сделали для актуализации своей работы — по преимуществу по линии обслуживания задач, связанных с культурной революцией. Историко-археографический институт собирал и обрабатывал материал по истории народов СССР (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Коми) и по истории фабрик и заводов. Инсти-

тут языка и мышления разрабатывал проблему алфавита для бесписьменных народов и поставил ряд докладов по латинизации алфавитов; консультировал различные учреждения по вопросам языковой теории и практики; в ударном порядке провел разработку алфавитов для вепсов и ижор и подготовку букварей по этим языкам. Музей антропологии и этнографии приступил к большой работе по реэкспозиции музейного материала по социологическому принципу на основе марксистского учения об общественных формациях. По отделам антропологии, археологии и первому этнографическому эта работа уже закончена. Целью реэкспозиции является превращение Музея в „наглядный учебник исторического материализма“ и вместе с тем в аппарат пропаганды национальной политики Советской власти. Институт по изучению народов СССР изучал процесс перехода к коллективным формам хозяйства по преимуществу с точки зрения революции быта; изучал советский фольклор; изучал пережиточные формы социального строя и религиозного быта, являющиеся препятствием для дела социалистической реконструкции. Институт востоковедения установил связи с Бурят-Монгольской республикой, с Узбекской, Таджикской и Киргизской республиками, с Осетией, с Крымреспубликой, с Дальневосточным краем. Институт стремился концентрировать свое внимание на изучении социальных проблем советского и зарубежного Востока; принимал участие в латинизации китайского алфавита; в сотрудничестве с ЛВИ и КУТВ приступил к подготовке словарей монгольско-русского, китайско-русского и японско-русского. Институт славяноведения работал над темами по истории национально-освободительного и революционного движения у славянских народов и изучал отражение классовой борьбы в их художественной литературе.

Не следует преуменьшать значение всех отмеченных мною фактов. Но не следует также его и преувеличивать. В ряде случаев наши учреждения еще далеко недостаточно включились в общую работу социалистического строительства. Мы должны неустанно бороться за укрепление связи между Академией и заинтересованными в ее работе правительственными и хозяйственными органами. Эта связь не умалит, но усилит значение Академии как одного из высших научных учреждений Союза. Эта связь даст новые стимулы для ее теоре-

тической работы и обеспечит ей соответственную материальную базу.

В 1930 г. мы провели большую работу по реорганизации и по планированию деятельности учреждений Академии. Но одна сторона нашей академической жизни, и притом не маловажная, — преобразованиями 1930 г. совершенно не была затронута. Я имею в виду сессии Академии Наук. Между тем сессии, несомненно, также нуждались в некоторой реорганизации. Сессии должны выявлять перед внешним миром основные итоги и результаты работы Академии. Если эта работа общественно-значительна, то и сессия должна являться событием большого общественного значения. Имели ли наши сессии такой характер? Конечно, нет. Если не считать вопросов организационного порядка, сессии обычно заполнялись докладами, поступавшими в порядке самотека, а потому в значительной своей части случайными. Понятно, что сессии Академии не привлекали на ее заседания даже сколько-нибудь широких кругов научных работников.

Такой замкнутый характер сессий отражал, несомненно, оторванность Академии от жизни. С реорганизацией Академии, с ее поворотом к происходящей в стране великой социалистической стройке должен был неизбежно стать перед нами вопрос и о повороте в нашей сессионной работе.

Академия должна была искать непосредственного, живого контакта со строящим социализм классом. Первый шаг к установлению такого контакта — публичное выступление Академии в целом со связным рядом научных докладов. Стержневая тема этого ряда сама собою вытекала из всей обстановки: что может дать наука для осуществления лозунга „догнать и перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении".

При содействии московских рабочих организаций нам удалось осуществить идею такого большого публичного выступления Академии в форме выездной сессии в Москве.[1]

Московская сессия научила нас многому. Мы пришли к решению провести сессию подобного же рода в Ленинграде. Она была осуществлена в ноябре, причем стержневой темой ноябрь-

---

[1] См. выше статью „Московская сессия".

ской сессии была проблема производственных ресурсов и производительных сил Ленинградской области. Еще не закончилась ноябрьская сессия, как нам пришлось уже поставить в порядок дня, в связи с приглашениями Урала и Западной Сибири, вопрос о следующей выездной сессии — по вопросам Урала-Кузбасса: в Свердловске и Новосибирске.[1] Совершенно очевидно, что, выйдя на арену широкой научно-общественной работы, Академия Наук не сможет, да и не захочет вернуться к своей былой изолированности.

Несомненно, что Академия должна будет включить в план своей работы сессии подобного рода, — сессии, посвященные целиком проблемам крупного общественного значения. Но, с другой стороны, необходимо перестроить работу наших обычных сессий. Мы можем организовать одну, — самое большое две чрезвычайных сессии в год. Мы можем ознакомить при их помощи широкие массы с научными достижениями в каких-либо областях. Но научная работа Академии многообразна. Она может и должна быть выявляема не только в чрезвычайных, но и в обычных сессиях. А для этого работа сессий должна быть подчинена, как и вся работа Академии, некоему плану. К подготовке такого плана мы уже приступили, запросив соответственные данные от учреждений. Понятно, что построить план можно, лишь исходя из реальной работы, производимой в институтах и лабораториях. Только они могут наметить темы докладов и их примерные календарные сроки. Избранный нами путь уже оправдал себя: мы имеем очень большое количество заявок, которые придется, конечно, систематизировать и распределить в соответствии с характером тем и временем, потребным для подготовки докладов.

Большое количество докладов вызывает необходимость не только в их тщательном отборе для каждой сессии в соответствии с общими научными задачами и интересами Академии, но и в их тщательном распределении между различного типа академическими ячейками, из работы которых складывается общая работа сессии. И в этом отношении у нас царит до сих пор полная неопределенность. Некоторые группы ставят у себя научные доклады, другие не ставят. Иногда мелкий вопрос

---

[1] См. ниже статью „Академия Наук и Урало-Кузбасский комбинат“.

выносится в Общее собрание, крупный обсуждается в Отделении. Повидимому, целесообразным приходится считать такое распределение: доклады частного, узко-специального характера читаются на заседаниях групп; на заседаниях отделений заслушиваются доклады по основным темам работы учреждений — доклады, выявляющие самое характерное в этой работе, — в известном смысле слова отчетные доклады; на заседания Общего собрания выносятся доклады, представляющие широкий общественный интерес либо по своим методологическим установкам, либо по новизне своих выводов, либо по хозяйственной значимости. Мы еще только нащупываем пути к правильному решению задачи планирования работы сессий. Но задача поставлена жизнью, и мы, конечно, в ближайшее время ее разрешим.

Чрезвычайные сессии — Московская и Ленинградская — поставили перед Академией, помимо общей проблемы сессий, ряд новых и сложных задач. Именно в связи с этими сессиями перед Академией стали со всей остротой вопросы о значительном пополнении состава действительных членов Академии представителями технических дисциплин и об организации в Академии специального аппарата по научной консультации и научной пропаганде. Мысль о расширении числа технических кафедр, как и проект комитета консультации и пропаганды возникли в Академии еще до июньской сессии. Они выросли на той же почве, что и идея выезда Академии в Москву. Поставив себе целью включиться в общую работу по строительству социализма, Академия неизбежно должна была притти к усилению того своего отряда, который самым ближайшим образом связывает науку со строительством — отряда технического в широком смысле этого слова. Укрепление технической группы Академии есть укрепление приводного ремня соединяющего теоретическую работу академических учреждений с жизненной практикой. Оно должно обеспечить, с одной стороны, более регулярное и планомерное воздействие потребностей практики на работу Академии, с другой стороны — более регулярное и планомерное внедрение в практику результатов этой работы. С такой же необходимостью вытекала из новых установок Академии и организация Комитета консультации и пропаганды. В течение последних двух лет поток обращений

в Академию от самых разнообразных учреждений, начиная от союзных привительственных органов и кончая заводскими ячейками по рационализации, растет буквально с каждым днем. Академия не может не откликаться на эти обращения: это значило бы собственными руками восстанавливать стену, ограждавшую Академию от жизни, — стену, которую мы старались разрушить и которой в сознании масс более не существует. Классифицировать поступающие в Академию запросы, давать им надлежащее направление, следить за разрешением поставленных в них проблем, своевременно сообщать заинтересованным учреждениям о ходе и результате работы над этими проблемами — такова первая задача Комитета. Вторая, не менее важная, — учитывать работу учреждений Академии, имеющую практическое значение для социалистического строительства, с тем, чтобы по собственной инициативе принимать меры к ознакомлению широких пролетарских масс с результатами этой работы.

Чрезвычайные сессии сопровождались выездами бригад Академии Наук на предприятия. Таких выездов в Москве и Ленинграде было около 50. Участники бригад могли непосредственно ощутить, как глубоко проникла в сознание рабочего класса идея необходимости овладения наукой и техникой для построения социалистического общества, как ясно понимание неразрывной связи практики с теорией, какой живой отклик находит в рабочей среде новая теоретическая мысль. Но, с другой стороны, выезды показали нашу собственную слабость в некоторых отношениях, недостаточность сил и средств Академии Наук для резрешения задач, вытекающих из этого ее соприкосновения с массами. Именно это обстоятельство и побудило Академию, только что добившуюся увеличения числа технических кафедр на три, на Московской сессии вновь поднять вопрос о технических кафедрах. Совнарком Союза, заслушав ходатайство Академии, дал нам дополнительно десять новых кафедр по техническим дисциплинам. Заполнить их нам предстоит на ближайших выборах. Однако этот рост состава действительных членов Академии еще недостаточно обеспечивает выполнение ею тех обязательств, которые она взяла на себя перед рабочим классом страны и которые закреплены неписанным договором, заключенным Академией на июньской

и ноябрьской сессиях с пролетариатом Москвы и Ленинграда. В рабочих массах смотрят на Академию Наук как на мощный организационный центр научной работы в нашем Союзе. К Академии обращаются со всеми вопросами научного порядка, в том числе и с такими, которых Академия не может разрешить, как бы ни увеличивалось в ближайшем будущем число ее членов и ее учреждений. Разрешение многих из этих вопросов под силу лишь большому комплексу научных институтов разного характера. Наладить такую комплексную работу Академии и внеакадемических учреждений — большая организационная задача. Но отказываться от нее Академия не может. Эта задача потребует большого напряжения от всех наших организаций. Естественно, главная ее тяжесть должна пасть на Комитет по консультации и пропаганде, который нам, может быть, придется в связи с этим реорганизовать, который во всяком случае нам необходимо всемерно укреплять.

Поворот Академии Наук к задачам социалистического строительства поставил перед нами, помимо всего изложенного, еще одну новую проблему крупнейшего значения — проблему организации отделений. Рост социалистического строительства радикально изменяет хозяйственную карту Союза. Возникают и стремительно развиваются новые хозяйственные и культурные центры. Растет потребность в децентрализации научной работы, в создании в новых центрах ячеек научно-исследовательской деятельности. Поскольку дело идет об учреждениях, призванных разрешать задачи, непосредственно вытекающие из нужд растущего производства, эта потребность удовлетворяется научными учреждениями того или иного наркомата. Но такие узкоспециальные учреждения обычно оказываются не в силах справиться со всей массой встающих перед ними общих проблем, подчас глубокого теоретического характера. Таковы условия, побуждающие республиканские, краевые и областные органы власти обращаться к Академии Наук с предложениями организовать в соответственном центре ее отделение.

В течение 1931 г. мы получили такие предложения от Урала, от Западной Сибири, от Восточной Сибири и от Дальнего Востока. По собственной инициативе Академия решила преобразовать Историко-археологический институт в Тифлисе в Институт кавказоведения, организовав в нем отделение есте-

ственных наук. По постановлению Президиума ЦИК Союза к этому списку была еще добавлена Средняя Азия. Во второй половине года в Академии была создана особая комиссия для ведения этого большого дела — так называемая Комиссия по базам. Был проведен ряд совещаний в Академии с представителями соответственных районов, были посланы делегации на Урал и на Кавказ для выяснения условий организации отделений. Общим собранием во время ноябрьской сессии было одобрено типовое Положение для отделений и намечен состав учреждений для отделений Уральского, Западносибирского и Дальневосточного. По остальным отделениям эта работа не могла быть проведена в виду отсутствия точных данных и конкретных пожеланий местных органов советской власти. Отделения намечены нами как ассоциации институтов, организуемых в краевых и областных центрах, и научных станций, расположенных в районах, с которыми непосредственно связана разработка данной научной проблемы. Так, на Урале предположен ряд институтов в Свердловске и станции в Магнитогорске и Березняках; в Западной Сибири ряд институтов в Ново-Сибирске и станции в Кулунде и на Абакане и т. д. На Дальнем Востоке Академии должен быть передан ряд уже существующих научных учреждений и в дальнейшем создан ряд новых. На Кавказе отделение функционирует пока в форме единого института, но возможно, что и там, с развитием работы, придется развернуть отделение в ассоциацию.

Дальнейшим этапом нашей работы в этом вопросе должно было явиться составление плана развертывания отделений с установлением календарных сроков. К сожалению, в 1931 г. мы этой части задачи разрешить не могли в виду того, что у нас не было материала для суждения о возможном размере финансирования будущих отделений со стороны органов местной власти и местных хозяйственных организаций. По смете же Академии Наук кредиты на организацию отделений отпущены не были. Таким образом, значительная часть предварительной работы перешла на 1932 г., что ставит под вопрос возможность реального начала деятельности некоторых отделений, хотя бы и в самых скромных размерах, в текущем году. Это не должно, конечно, ни в малой степени отразиться на темпах нашей подготовки к организации отделений. Все зависящие от сил и средств

Академии должно быть сделано, чтобы приступить к реализации разработанных нами планов, как только представится к этому возможность, и в тех пределах, в каких эта возможность представится.

Помимо трудностей финансового порядка, самой большой трудностью на пути к созданию отделений является недостаток кадров. Мы можем, конечно, командировать в отделения на тот или иной срок научных работников наших центральных учреждений. Но наши собственные кадры далеко не так велики, чтобы такое откомандирование можно было произвести в достаточных размерах. К тому же организация отделения потребует от центральных учреждений усиленной работы, следовательно укрепления, а не ослабления их кадров. Совершенно ясно, что нам придется пойти в разрешении этого вопроса по пути специальной подготовки научных работников для укомплектования отделений. В виду срочности дела здесь в первую очередь надо будет добиться прикомандирования к Академии работников с мест для соответственного повышения их квалификации и затем обратного направления в отделение. Далее необходимо будет значительно перестроить работу по набору и подготовке аспирантов, имея в виду в первую очередь удовлетворение потребностей отделений. План организации отделений будет реален лишь в том случае, если ему будет соответствовать совершенно конкретный и параллельный ему план подготовки кадров.

1931 год был годом дальнейшего развертывания и углубления нашей работы по реорганизации Академии в целях включения ее в дело социалистического строительства. Но мы не только довершали в этом году то, что было намечено в предыдущем. В процессе нашей работы перед нами стал ряд новых задач большого общественного значения и исключительной важности для дальнейшего развития Академии. Разрешение их дело нелегкое, дело, требующее от нас большого напряжения. Но силу для преодоления всех стоящих на нашем пути трудностей мы найдем. Эту силу даст нам тесный контакт с героическим рабочим классом нашей страны.

Жить и бороться в одних рядах с пролетариатом под руководством коммунистической партии — в этом залог наших успехов на том пути, на который Академия бесповоротно вступила.

АКАДЕМИЯ НАУК И УРАЛО-КУЗБАССКИЙ КОМБИНАТ[1]

Сессия Академии Наук, посвященная проблемам Урало-Кузбасского комбината, протекала в обстановке, совершенно необычной для Академии. Пятнадцать дней Академия провела на территории Урала и Западной Сибири.[2] В течение этих пятнадцати дней работники Академии вошли в непосредственное соприкосновение с гигантским строительством, развертывающимся на этой обширной территории, во всех его главных вариантах. Основная работа сессии происходила в Свердловске и Новосибирске. Бригады Академии посетили Березняки, Соликамск, Магнитогорск, Челябинск, Уралмашстрой, старые перестраивающиеся заново уральские заводы, Омск, Томск, Кемерово и Прокопьевские копи Кузбасса, Сталинск.

Академия Наук видела не только строящиеся заводы, новые доменные печи, новые каменноугольные разработки. Она видела в действии могучий, непрерывно растущий коллектив строителей нового социалистического общества на одном из самых ответственных участков строительства. Она видела, как этот коллектив растет и количественно и качественно, осваивая в кратчайший срок сырой человеческий материал, вырабатывая из этого материала кадры сознательных творцов великого будущего человечества. Она видела процесс создания нового человека, — процесс, параллельный промышленному строительству, тесно с ним связанный и являющийся необходимым условием и гарантией его успехов. Энергия этого коллектива, работающего под руководством организованного авангарда рабочего класса — коммунистической партии, преодолевает и преодолеет все трудности, все препятствия, каких много было и каких немало еще будет на нашем пути. Только мертвые люди могли остаться слепыми и глухими к тому, что происходит

---

[1] Вестник Академии Наук, 1932, № 8.

[2] С 4 по 9 июня 1932 г. в Свердловске и с 12 по 17 июня в Новосибирске.

сейчас на старом рабочем Урале и в молодой индустриализирующейся Сибири.

Каждая выездная сессия Академии Наук отмечает некоторый новый этап в идеологической и организационной перестройке самой старой Академии. Уже один факт возникновения выездных сессий свидетельствует об определенной целеустремленности работы Академии за последние годы. Первая выездная сессия была организована в Москве, в 1931 г. И опыт этой сессии показал, какое значение имеют наши выезды, в особенности выезды бригад Академии на предприятия, как важен и для Академии и для работы предприятий непосредственный и тесный, живой контакт между работниками Академии Наук, с одной стороны, пролетарскими массами, с другой. После Московской сессии Академия Наук без всяких споров, как нечто само собою разумеющееся, приняла решение ввести практику выездных сессий в систему, в план работы Академии. Только что закончившаяся сессия была по существу второй выездной (не считая ноябрьской, Ленинградской) и первой, проведенной вдали от постоянного непосредственного центра работ Академии. Почему для выездной сессии 1932 г. было выбрано именно это направление — Урал, Западная Сибирь, думается, понятно всем. Все знают, каков удельный вес проблемы второй угольно-металлургической базы, проблемы Урало-Кузбасского комбината в общем деле нашего социалистического строительства.

Каковы же итоги этого выезда Академии? Итоги, как мне представляется, двусторонни: работы сессии имеют значение для дела строительства Урало-Кузбасса и для пролетарской общественности Урала и Западной Сибири, с одной стороны, для самой Академии и организации ее научной работы, с другой.

Трудно оценить сейчас, что дали практически те консультации, которые происходили в ряде пунктов Урала и Сибири, те указания, которые давали представители Академии в Березняках, Соликамске, Магнитогорске, Челябинске, Сталинске, Кемерове и в других местах, где они побывали. Я думаю, что не в этом центр тяжести; важно то, что Академия, возвращаясь в Ленинград, увезла с собою с урало-сибирских новостроек не только значительное количество наказов, перечисляющих те проблемы, которые пролетарская общественность Урала и

Сибири считает необходимым поставить на разрешение высших научных учреждений страны, — но и живое, непосредственное впечатление от громадного, невиданными темпами перестраивающегося края, от того энтузиазма, от той напряженной работы вопреки всем трудностям, с которой Академия соприкоснулась.

Включение тем, связанных с Урало-Кузбасским комбинатом, в производственный план Академии Наук было одним из первых признаков ее поворота к обслуживанию нужд социалистического строительства. И до сессии значительное количество работников Академии принимало участие в разработке основных проблем, связанных с развитием Урала и Сибири. За прошлый год Академия сделала немало в порядке экспедиционного обследования Урала и особенно Западной Сибири. Некоторые экспедиции (например, Кулундинская и в Горной Шории) дали результаты, имеющие большое практическое значение. Сессия, несомненно, закрепит эту связь Академии с Урало-Кузбассом, закрепит не только организационно, но — если можно так выразиться — эмоционально. Ибо впечатления, полученные Академией как от тех гигантов социалистического строительства, которые создаются сейчас на Урале и в Сибири по последнему слову техники, так и от тех старых заводов, которые, получив от времени царизма устарелое техническое наследие, с величайшим напряжением перестраиваются, продолжая выполнение очередных производственных задач, — эти впечатления неизгладимы.

Еще многое предстоит нам в Академии Наук перестроить и в организационном и в идеологическом отношении. Одно можно считать сейчас, после Урало-Кузбасской сессии, окончательно закрепленным: включение Академии в дело социалистического строительства — реальный, осязаемый факт. Борьба вокруг этого вопроса — закончена. Возвращаться к разговорам на эту тему внутри Академии Наук нам больше никогда не придется. Из этого факта исходили рабочие Урала и Сибири, принесшие Академии свои запросы и пожелания. Пролетариат оказал Академии величайшее доверие. Это высокая честь, но это возлагает на Академию и величайшую ответственность. Сознание этой ответственности должно быть руководящим началом во всей нашей дальнейшей работе по реорганизации

работы Академии. А в том, что такая реорганизация необходима, несмотря на имеющиеся уже у нас достижения, после сессии вряд ли могут быть у кого-либо сомнения.

Сессия связала крепкими узами Академию Наук со строителями Урало-Кузбасского комбината. Такие связи не были мыслимы при общественном строе, основанном на классовом расчленении и на эксплоатации. В тех новых отношениях, которые складываются у нас между наукой и пролетариатом — одно из условий успеха нашей борьбы за бесклассовое общество и в то же время как бы предзнаменование полного слияниями физического и умственного труда, которое является одним из характерных признаков коммунизма.

В большой, трудной, напряженной работе пролетариат Советского Союза строит новый мир. Люди науки должны быть счастливы, должны быть горды тем, что и они призваны быть активными участниками величайшего в мировой истории переворота, полагающего начало истинной истории человечества.

НА ЮБИЛЕЙНОЙ СЕССИИ[1]

Юбилейная сессия имеет своей задачей в ряде докладов показать работу научной мысли Советского Союза в наиболее ярких ее проявлениях.

На мою долю выпало предпослать этому ряду докладов общую характеристику той работы, которая была проделана за 15 лет советской власти Академией Наук. Думается, что исторический путь Академии Наук за истекшее 15-летие представляет интерес не только для работников Академии Наук, но и для широких пролетарских масс. Ведь этот исторический путь Академии Наук представляет собой не что иное, как отражение на маленьком участке борьбы и работы основных моментов истории нашего Советского Союза, основных моментов в истории нашей классовой борьбы и нашего социалистического строительства.

Многие из здесь присутствующих вероятно еще сами помнят, какими настроениями встретили Октябрьский переворот широкие слои русской интеллигенции. Мелкобуржуазные колебания в лучшем, случае, открытая враждебность, выливавшаяся в форме саботажа, — в худшем. Лишь очень незначительное количество представителей интеллигенции и научной мысли с первых же шагов советской власти стало безоговорочно на ее сторону.

Академия Наук представляла собой цвет русской интеллигенции, ее верхушку, и было бы странно предполагать, чтобы Академия Наук смогла на другой день после Октябрьского переворота отдать свои силы делу строительства социализма в нашей стране.

Помимо общих интеллигентских настроений в Академии Наук действовали еще старые традиции, возникшие отчасти вследствие непосредственной и длительной близости Академии Наук к верховным органам старого царского режима, отчасти вслед-

---

[1] Доклад на происходившей в Ленинграде с 12 по 19 ноября 1932 г. торжественной юбилейной сессии по случаю 15-летней годовщины Октября.

ствие социальных, классовых вкусов и симпатий, в лучшем случае буржуазных, основного состава академических работников.

Если мы попытаемся определить одним словом формальное отношение Академии Наук к революции в этот первый период советской власти и первый период взаимоотношений между советской властью и Академией, то этим словом будет слово „нейтралитет". Так по крайней мере можно толковать те заявления, которые делались в эту эпоху представителями Академии Наук. Академия Наук по правильному замечанию одного историка старается в это время как бы не замечать происшедшего переворота, она на запросы представителей советской власти отвечает обещаниями работать „как прежде".

Если говорить о существе дела, то нужно иметь в виду, что под нейтралитетом зачастую скрывалось определенно враждебное отношение некоторой части работников Академии Наук к Октябрьскому перевороту. Академия Наук оказывалась неспособной понять значение пролетарской революции для развития научной мысли. Результатом явилась изолированность Академии Наук, сужение круга ее научных связей и научных интересов. Академия Наук являлась как бы одним из научных учреждений города Ленинграда — и только, ее основная работа сводилась к накоплению и систематизации научных материалов. Задача почтенная, но для Академии явно недостаточная. Обобщающих научных идей, каких либо попыток действительно подвинуть вперед дело разработки научной теории, мы в это время в Академии не наблюдаем. Этот факт является ярким доказательством невозможности изолированного развития научной мысли, вне непосредственной связи с жизненной практикой.

Между тем, со стороны советского правительства с первых же шагов мы видим самое бережное, самое внимательное отношение к Академии Наук. И это понятно. Ни один класс не заинтересован в такой мере в сохранении и развитии крупных центров научной мысли, как пролетариат, приступающий к строительству социалистического общественного порядка. Ни для какого общественного строя наука не является столь необходимым условием его существования и роста, как для социализма. Всем известно, товарищи, — а если кто об этом забыл, то стоит напомнить, — как заботливо относился к Академии Наук

Владимир Ильич Ленин. Это отношение советской власти и Владимира Ильича к Академии должно было бы, казалось, ускорить дело приобщения Академии Наук к строительству социализма. Тем не менее в этот период лишь отдельные работники Академии Наук действительно откликаются на призыв советской власти содействовать разрешению стоящих перед ней колоссальных задач.

Некоторый сдвиг в работе Академии должен быть отмечен только после окончания гражданской войны в связи с первыми нашими успехами восстановительного периода. Академия Наук в отдельных своих частях поворачивается к обслуживанию нужд социалистического строительства. Академия Наук провозглашается советским правительством Всесоюзной Академией. Ряд институтов Академии Наук делает полезную и нужную работу. Отметим здесь для примера Сейсмологической отдел Физико-математического института, затем выросший в самостоятельный Сейсмологический институт. Этот институт принимал участие в работах, связанных с Турксибом, в работах, связанных с изучением последствий крымского землетрясения и т. д. Значительную работу несет Почвенный институт, разрабатывающий почвенную карту Советского Союза, химические лаборатории Академии Наук, из учреждений Отделения общественных наук — Яфетический институт, тесно связывающий свою деятельность с самого начала с проблемой национальных культур. Наконец, достаточно широко развернувшиеся экспедиционные исследования Академии Наук, при всех их отдельных и подчас значительных недостатках, все же сделали немало и нужного, в смысле изучения наших естественных богатств. Разрушается мало-по-малу та стена, которая отделяет Академию Наук от внешнего мира. Увеличивается участие Академии Наук в разного рода съездах, растет издательская деятельность Академии Наук.

Однако, констатируя эти признаки поворота, надо отметить сразу же, что поворот был совершенно недостаточен, что в работе по приобщению Академии Наук к делу социалистического строительства не хватало организованности и плановости. Академия Наук как бы еще колеблется на повороте, и эти колебания подчас дают возможность и в этот период использовать Академию Наук для целей, враждебных революции.

Решительный поворот, решительный сдвиг Академии Наук наступает лишь в 1929 г. И если мы попытаемся уяснить себе ту общую социальную обстановку, которая создает необходимую почву для этого поворота, то надо будет признать, что эта социальная обстановка определяется, с одной стороны, нашими совершенно бесспорными успехами в строительстве реконструктивного периода — и, с другой стороны — ярко выявившимся распадом капиталистических общественных отношений на Западе. Происходит поворот настроений в самых широких кругах нашей интеллигенции. И за этим поворотом следует под давлением пролетарской общественности поворот и в работе Академии Наук. Требования пролетарской общественности в реконструктивный период по отношению к научной мысли должны были возрасти и возросли в громадной пропорции. Каждый шаг вперед, каждый новый успех в деле социалистического строительства ставил перед пролетариатом и коммунистической партией все новые и новые задачи, требующие для своего разрешения все более напряженной работы научной мысли. При таких условиях существование мощного научного коллектива, который не был увязан с общей работой, становилось долее нетерпимым.

Повторяю, 1929 г. был решительным поворотным пунктом в истории Академии. Прежде всего Академия впервые за время существования советской власти, на двенадцатом году диктатуры пролетариата, избрала в свою среду ряд крупных научных работников, членов коммунистической партии. Впервые в 1929 г. Академия раскрыла свои учреждения для подготовки новых кадров научных работников из советской, — в значительной своей части пролетарской молодежи. Таким образом, в Академии Наук образовалось коммунистическое ядро. Вокруг этого коммунистического ядра немедленно сгруппировалась значительная часть наиболее живых, наиболее способных отрешиться от старых предубеждений и предрассудков работников Академии, прямо и откровенно признавших свои былые ошибки и пошедших на совместную работу для дела строительства и социализма. Нельзя скрывать, что все же дело поворота Академии на новые пути проходило не без борьбы. В среде старых кадров научных работников Академии шел процесс расслоения, все более ускорявшийся. Этот процесс в своем

исходе был предопределен. Он был предопределен, конечно, не силами той группы коммунистов, того коммунистического ядра, которое было в Академии, а теми победами вне стен Академии, теми успехами на фронте социалистического строительства, которыми были отмечены эти годы.

В чем же выражалась эта борьба в стенах Академии? Прежде всего, в области идеологии это была борьба против укоренившейся в Академии теории чистой науки. Теория чистой науки была естественным идеологическим оправданием нейтралитета Академии Наук в первый период советской власти. Этой идеологии чистой науки была противопоставлена марксистско-ленинская концепция единства теории и практики. Среди научных работников Академии в этот период возникало немало страхов и опасений за судьбы научно-теоретической работы, если она будет связана с практическими задачами строительства. Но этим опасениям было противопоставлено представление о ведущей роли науки, о тех невиданных перспективах, которые раскрываются перед научной мыслью в соответствии с невиданным размахом перестройки старого мира на коммунистических началах.

Если в сфере идеологической нейтралитету Академии соответствовала теория чистой науки, то организационным аспектом того же нейтралитета, его организационной формой было последовательное проведение индивидуализма в построении научной работы. Если посмотреть на сеть научных учреждений Академии Наук, какой она была в первые годы революции, вы заметите, что это в подавляющем большинстве случаев были индивидуальные лаборатории отдельных иногда очень крупных ученых — лаборатории, которые работали в соответствии с субъективными вкусами данного ученого. Этой системе старой Академии была противопоставлена идея продуманной, единой, планомерно развивающейся сети учреждений, согласованной в своих отдельных звеньях с запросами, предъявленными жизнью. В 1930 г. Академией Наук была пересмотрена ее сеть. Значительное количество старых учреждений было упразднено, еще большее количество мелких учреждений было слито в крупные комбинаты. Наконец, впервые возникли в том же году объединения родственных институтов в форме ассоциаций, получивших за три года большое развитие и имеющих большую будущ-

ность. Но все эти изменения в нашей сети мелочи по сравнению с теми колоссальными переменами, которые связаны с выходом Академии Наук за пределы Ленинграда.

Наше социалистическое строительство в процессе своего роста создает ряд новых центров хозяйственных, а следовательно, и культурных. В этих центрах наряду с гигантами промышленности и одновременно с ними создаются научные лаборатории и отраслевые научные институты. Вслед за этим возникает потребность в организации также и ведущих научных институтов, способных наладить большую теоретическую работу, подводящую техническую базу под работу отраслевых институтов и заводских лабораторий. Из этой потребности возникли предъявленные к Академии со стороны целого ряда республик, областей и краев требования о создании филиалов Академии Наук. Академия Наук, решившая связать свою работу с социалистическим строительством, сомкнуться с общей работой по построению нового социалистического общества, — не могла игнорировать этот призыв. И вот Академия Наук строит сеть филиалов — ассоциаций своих институтов на местах, свои комплексные институты (базы), сеть специальных станций по всей территории Советского Союза, от Хибиногорска до Тифлиса и Сталинабада, от Ленинграда до Владивостока. Таким образом, Академия Наук даже чисто географически начинает становиться Академией Наук всесоюзной. Упреки, которые можно было слышать еще недавно по ее адресу, упреки в том, что, в сущности говоря, Академия Наук есть только Ленинградская Академия — эти упреки являются в настоящее время анахронизмом.

Преодоление теории чистой науки с неизбежностью должно было привести к планированию научной работы. Нам сейчас кажется как будто бы даже несколько странным, что вокруг идеи планирования научной работы могла итти длительная и довольно упорная борьба. Между тем это — так. В старой Академии было немало голосов, доказывавших невозможность, нецелесообразность, вред для научной мысли какого-либо планирования научной деятельности. Но, раз признав необходимость связи науки с живой жизнью, идущей в стране, Академия Наук неизбежно, как следующий шаг, должна была признать такого рода конкретизацию этой мысли: если связь науки с жизнью

необходима, то необходимо иметь и план научной работы, связанный с планом социалистического строительства.

В 1930 г. Академия впервые приняла большую, разработанную и достаточно мотивированную резолюцию, дающую директиву ее учреждениям к составлению плана научных работ в связи с планом социалистического строительства. На основе этих директив были разработаны производственные планы 1931 г. Эти производственные планы, сейчас, по прошествии полутора лет, представляются нам весьма несовершенными, в них мы находим много недочетов, но в порядке самокритики мы склонны подчас не замечать того большого сдвига, который представляли и эти планы по сравнению с предыдущим бесплановым периодом.

В плане 1931 г. нашли себе четкое отражение интересы нашего хозяйственного строительства в работах многочисленных учреждений отделения тематических и естественных наук и вопросы культурно-национального строительства в сфере деятельности наших учреждений Отделения общественных наук.

Лишь после этого опыта построения годичного плана, после тех коррективов, которые пришлось нам под давлением жизни в этот план внести, после разработки плана 1932 г. мы действительно оказались подготовленными к той грандиозной задаче, которая была поставлена перед Академией Наук посредине 1932 года.

Заканчивалась первая пятилетка. Готовился план социалистического строительства второй пятилетки. Соответственно с этим Академия Наук должна была разработать пятилетний план своей деятельности. Это было не только откликом на требования Госплана и других правительственных органов, это было естественным результатом всей предыдущей подготовительной большой работы, проведенной Академией Наук.

Пятилетний план Академии, план ее работ на вторую пятилетку сейчас уже в основных чертах составлен и настоящей сессией должен быть утвержден. Позвольте мне в порядке иллюстрации процитировать из объяснительной записки к этому пятилетнему плану ту ее часть, которая дает характеристику основных комплексов научных проблем, выдвигаемых жизнью, решениями партии, резолюциями XVII партконференции, про-

блем, которые способна разрешить, а следовательно, за разрешение которых должна взяться Академия Наук.

Первый комплекс проблем, намеченных в нашей пятилетке,— это проблемы, связанные с изучением глубочайших основ структуры материи на основе новейших достижений астрономии, физики, химической физики и химии, имеющих огромное теоретическое и практическое значение и представляющих один из важнейших ключей к совершающейся ныне во всех областях естествознания революции. Сюда относятся работы Математического института, Физического института, Комиссии изучения Солнца, Геохимического института, Химической ассоциации.

Второй комплекс составляют проблемы изучения и освоения природных ресурсов нашей страны. Сюда относится как форсированная ликвидация „белых пятен" на карте Союза, всестороннее изучение наиболее важных в народно-хозяйственном отношении районов, так и исследование истории развития земной коры на территории Союза в различные геологические эпохи. В этой работе на первый план выдвигается изучение таких районов, как Поволжье (в связи с проектируемыми в нем гигантскими гидроэлектрическими сооружениями), Урал, Сибирь, Казакстан, Ленинградская область, создающая соответственную сырьевую базу для ленинградской промышленности. Над разрешением этого комплекса проблем работают учреждения Геологической ассоциации, Химической ассоциации, Биологической ассоциации, Сейсмологический институт, Совет по изучению производительных сил.

Третий комплекс проблем связан с развитием энергетики нашего Союза, с систематическим исследованием энергоресурсов, открытием новых источников энергии, с вопросами передачи энергии на расстояние, электрификации, индустрии, транспорта и сельского хозяйства. Это область работы Энергетического института, Химической ассоциации, Совета по изучению производительных сил.

Четвертый комплекс проблем связан с гигантским новым строительством, развертывающимся на территории Союза (индустриальные гиганты, каналы, железные дороги, коммунальное строительство и т. д.). Сюда относятся изучение „штандортов" размещения производительных сил, сейсмические изыскания и расчеты, исследования строительных материалов, расчеты

строительных конструкций, вопросы оздоровления территории городов и т. д. Это — работы Математического института по линии прикладной математики и механики, Сейсмологического института, Географической ассоциации, Петрографического института, Биологической ассоциации и т. п.

Пятый комплекс — комплекс проблем, связанных с химизацией страны. К нему относится изучение химической структуры вещества, новых методов физико-химического и химического исследования, скоростей химических реакций и возможного их ускорения, синтеза органических продуктов, химии нефти, сапропелитов, угля, металлов, агрохимии и лесо-химии — изучение, служащее теоретическим основанием для развертывания химической, топливной и металлургической промышленности Союза. Над этим комплексом проблем работают учреждения Химической и Геологической ассоциаций.

Шестой комплекс — это проблемы, связанные с изучением развития органического мира, проблемы, имеющие так же, как и первый комплекс, огромное теоретическое и практическое значение. Они дают ключ к разрешению ряда кардинальных вопросов социалистической реконструкции легкой промышленности и сельского хозяйства и к повышению их качественных показателей (повышение урожайности, борьба с засухой, выведение новых культур, подъем советского животноводства, создание сырьевой базы для легкой промышленности). Сюда относятся работы Биологической ассоциации, Географической ассоциации, Почвенного института и Совета по изучению производительных сил.

Наконец, седьмой комплекс — это социально-исторические проблемы, изучаемые учреждениями Отделения общественных наук. Академия Наук будет изучать в этой области в ближайшее время те вопросы, разрешение которых по состоянию сети учреждений Академии в ней наиболее обеспечено как по линии соответствующей материальной основы для научного исследования (музеи, архивы, библиотека и т. д.), так и по наличию соответствующего кадра подготовленных работников. Основной задачей Отделения общественных наук на вторую пятилетку является изучение: 1) путей преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей в стране строящегося социализма у различных национальностей, входящих в состав

Советского Союза, 2) исторического процесса возникновения различных общественных институтов и классов, 3) истории докапиталистических общественных формаций, 4) возникновения капитализма и генезиса рабочего класса, 5) истории колониальной эксплоатации как в Российской империи, так и вне ее — в славянских странах и на Востоке.

На ряду с этим Академия Наук ставит своей задачей специальное изучение истории науки и техники с привлечением к разрешению этой задачи всех институтов Академии.

Вот, товарищи, намеченный в самых беглых чертах круг основных проблем, выдвинутых в нашем пятилетнем плане в связи с теми требованиями, какие ставит перед Академией Наук процесс социалистической реконструкции в нашей стране, в связи с теми задачами, которые выдвинуты решениями XVII Партконференции.

Здесь необходимо упомянуть об одном предварительном условии, которое делает возможным для нас постановку ряда вопросов, включение целого ряда проблем, еще недавно для Академии Наук недоступных. Я хочу сказать несколько слов о составе Академии.

Академии Наук вступила в революцию с тремя отделениями; из них одно отделение работало в области математических и естественных наук и два отделения занимались науками историко-филологическими, русским языком и словесностью. Этот перевес филологических наук в старой Академии объяснялся ее положением в условиях царского режима. Поворот Академии Наук в сторону обслуживания нужд социалистического строительства не мог не потребовать радикального изменения этого соотношения сил.

Число исторических и языковедных кафедр у нас не уменьшилось, мы не пошли по пути их сокращения, ибо мы знаем, что и науки общественные, в частности языковедение и литературоведение, требуют весьма большого развития в связи с колоссальным ростом культурных потребностей самых различных национальностей нашего Союза. Мы пошли по пути значительного расширения противоположного крыла Академии Наук — расширения крыла физико-математических дисциплин. Еще при выборах в Академию Наук в 1929 г. были созданы и заполнены четыре технические кафедры — новшество в истории Академии

Наук. За время, истекшее с 1929 г., число технических кафедр выросло с 4 до 18. Мы имеем теперь мощную техническую группу, мы имеем возможность организовать научно-техническую консультацию и способствовать теоретической проработке основных технических проблем, которые ставит перед нами жизнь.

Наша Техническая группа уже поставила перед собой задачу создания ряда научно-технических учреждений, несмотря на обилие специальных институтов, посвящающих свою работу отдельным отраслям техники. Ряд основных теоретических проблем, разрешение которых необходимо для правильной постановки технических задач, не находил до сего время должного в этих институтах места. Наша Техническая группа и стремится пополнить этот пробел путем организации новых научно-технических институтов при Академии. Не может быть сомнения, что Технической группе предстоит большое развитие и она, вероятно, превратится в ближайшем будущем в какую-то более сложную и мощную организацию.

Наличие Технической группы важно для Академии не только потому, что Техническая группа помогает Академии Наук в разрешении стоящих перед ней или поставленных перед ней жизнью задач, но и потому, что оно закрепляет, непосредственно персонифицирует связь теории с практикой, связь глубокого научного исследования со строительством, происходящим в стране. Напомню, что в числе членов нашей Технической группы имеются такие непосредственные руководители строительств, как академики Винтер, Веденеев, Графтио и др.

Та перестройка Академии, о которой я Вам только что говорил, не могла не отразиться и на той сфере ее деятельности, через которую Академия Наук естественно соприкасается с внешним миром — на ее сессиях. Работа, происходящая в учреждениях, это — работа, которая зачастую даже в своих существенных практических результатах остается неизвестной широким массам. Единственно, где отдельное научное достижение Академии может стать достоянием широкой публичности — это академические сессии. Академические сессии в предыдущий период развития Академии носили, как и вся ее работа, замкнутый, изолированный и в значительной степени случайный характер. За последние годы на глазах у всех происходит их

преобразование: сессии приобретают тот характер и то значение, которые они должны иметь при перестройке работы Академии Наук в самых ее основах.

Вы знаете о том, что в 1931 г. мы провели первую нашу выездную сессию в Москве, в ноябре прошлаго (1931) года провели выездную сессию здесь в Ленинграде — сессию, посвященную итогам работы по изучению производительных сил Ленинградской области. В 1932 г. мы провели большую сессию на Урале и в Западной Сибири,—сессию, посвященную проблемам Урало-Кузнецкого комбината. И наконец, в настоящей сессии мы пытаемся подвести итоги научной работы в Советском Союзе за 15 лет революции. Я думаю, что такого рода сессии неизбежно должны войти в постоянный план органической работы Академии. Мы предполагаем посвятить одну из последующих сессий проблеме производительных сил Среднеазиатских республик. Возможно, что в дальнейшем будет поставлена проблема производительных сил Закавказья и т. д.

Совершенно необходимо сделать сессии Академии Наук сессиями, так сказать, тематическими, сессиями, в которых Академия Наук демонстрировала бы перед широкими слоями пролетарской общественности, как отвечает наука на те или иные задачи, поставленные социалистическим строительством. И думается, что эти сессии будут в одинаковой мере полезными и для Академии Наук, ибо во время их устанавливается непосредственный контакт между Академией и строителями социализма, и для социалистического строительства. Те консультации, которые дают во время сессии представители Академии Наук, их указания в отношении дальнейшей работы в той или иной области, подчас весьма значительно содействуют ускорению в разрешении или правильной постановке той или иной проблемы чисто практического характера.

Я уже говорил о том, как мы работали над нашим планом. Но не следует забывать, что план Академии Наук есть лишь часть нашего общего всесоюзного плана научно-исследовательской работы. Вернее, план Академии Наук должен быть одной из основных частей такого общесоюзного плана. В действительности всесоюзного плана научной работы мы до сих пор не имеем. И Академия Наук необходимость борьбы за такого рода план давно уже осознала, Академия Наук принимала весьма деятель-

ное участие в первой конференции по планированию науки. Академия Наук по собственной инициативе созывала целый ряд конференций по отдельным отраслям научной деятельности, конференций с самым широким представительством всех учреждений, ведущих работу в данной области или заинтересованных в ее результатах. Целью этих конференций была координация и плановое распределение работ между научными учреждениями. Я отмечу такие конференции, как конференция по генетике, конференция по фаунистической работе и т. д. Сейчас Госплан поручил Академии Наук провести подготовительные конференции к предстоящей общей конференции Госплана по пятилетке в области биологических и геологических наук.

Этот новый вид деятельности Академии Наук, ее участие в общей работе по планированию науки, мне думается, должен в дальнейшем получить еще большее развитие. Мне представляется, что именно Академия Наук, как коллектив, впитавший в себя за последние годы весь цвет нашей научно-исследовательской мысли, может и обязана взять на себя руководящую роль в проведении систематических совещаний с научными учреждениями других ведомств по составлению в каждой отрасли единого согласованного научно-исследовательского плана. Мне кажется, что подобного рода совещания в итоге своей работы должны привести к совершенно определенным соглашениям о распределении работы между Академией Наук, с одной стороны, и научно-исследовательскими институтами ведомств — с другой. К этому толкает жизнь. Академия Наук в глазах пролетарской общественности уже приобрела значение центра научно-исследовательской мысли. К ней обращаются за советами и с запросами по самым различны отраслям знания. Всю эту совокупность запросов и требований разрешить в стенах какого бы то ни было одного научного учреждения, даже при условии значительного роста Академии Наук, совершенно невозможно. Это было бы утопической мечтой. Вся совокупность требований, предъявляемых к научной мысли социалистическим строительством, может быть удовлетворена только всей совокупностью координированной работы всей сети наших научно-исследовательских учреждений. Мне думается, что путем предварительной проработки и предварительных

соглашений между научными учреждениями мы подготовим реальную базу для построения действительно продуманного, опирающегося на всю сеть наших научных учреждений единого плана научно-исследовательской работы.

Пятнадцатилетний юбилей советской власти застает Академию в разгаре работ по перестройке. Эта перестройка, это приспособление Академии Наук к задачам социалистического строительства — сложное дело. Во всех намеченных мною направлениях Академии Наук предстоит еще много и много работы. Конечно, Академия Наук, будь она по прежнему оторванным от советской общественности учреждением, никогда не могла бы справиться даже с задачами значительно меньшего калибра. Но Академия Наук сейчас составляет неразрывную часть всей системы наших государственных и общественных организаций, объединяемых единым руководством коммунистической партии, единой общей целью построения бесклассового общества. Включившись в работу для достижения этой общей цели, Академия Наук может ставить перед собой задачи колоссального размаха и, конечно, сумеет их разрешить.

АКАДЕМИЯ НАУК В 1932 г.[1]

1932 год в жизни Академии Наук может рассматриваться как год, в известном смысле завершающий период поворота Академии Наук к обслуживанию задач социалистического строительства. В 1932 г. Академия вступила с пересмотренной сетью учреждений, с уточненными общими установками, с накопленным уже опытом работы в новом направлении. В начале 1932 г. факт поворота Академии Наук, как всем известно, нашел авторитетное признание в соответственном пункте решений XVII Конференции Всесоюзной коммунистической партии. В течение 1932 г. в наших стенах уже нет места спорам о путях дальнейшего развития Академии, о характере ее связи с общими задачами строительства.

Конечно, несмотря на все сказанное, по всем линиям нашей научно-организационной и научно-плановой работы в течение 1932 г. нам приходилось уделять немало внимания тем же по существу проблемам, какие были поставлены на разрешение еще в 1929—1930 гг., приходилось заканчивать выполнение основной нашей программы реорганизации Академии. Но, завершая свою работу по внутренней перестройке, Академия Наук в то же время должна была неизбежно поставить перед собою в 1932 г. и ряд новых задач, вытекающих, с одной стороны, из самого факта совершившегося поворота в ее деятельности, с другой — из основных общих установок на вторую пятилетку.

Эти установки даны нам в решениях XVII партийной конференции. Перед Советским Союзом поставлена на вторую пятилетку задача ликвидации классов, полного уничтожения причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, — и задача реконструкции всего народного хозяйства, подведения под все отрасли народного хозяйства новейшей технической

---

[1] Речь на торжественном годовом собрании Академии Наук СССР 2 февраля 1933 г.

базы. Само собой разумеется, что разрешение второй из этих задач является необходимой хозяйственной предпосылкой к разрешению первой.

Ясно, какие колоссальные требования предъявляет осуществление второй пятилетки к научной мысли Советского Союза вообще, к Академии Наук, как к высшему научному учреждению Союза, — в частности. Для построения социалистического хозяйства недостаточно простого заимствования достижений научно-технической мысли капиталистических стран. Лозунг „догнать и перегнать капиталистические страны“ даже в первой своей части („догнать“) не дожен быть истолковываем как призыв только к заимствованию. Все, что может быть взято из опыта капиталистических стран, мы, конечно, должны взять. Но в то же время мы должны закладывать основы новой техники — техники социалистического общества — на новых началах. Ибо социалистическое общество создает новые, немыслимые в обществе капиталистическом, условия технического развития. С другой стороны, гигантские темпы хозяйственного роста, свойственные периоду социализма, требуют мобилизации сырьевых ресурсов в масштабах, какие не имеют и не могут иметь себе подобных при капитализме.

И та и другая проблема — и проблема техники и проблема сырья — не могут быть разрешены без напряженнейшей работы науки. Научная теория во всей нашей стройке играет ведущую роль, ее значение должно и будет непрерывно возрастать с каждым шагом вперед к полному осуществлению социалистической системы.

Чтобы наука выполнила эту роль, необходимы: строгая координация усилий, предусматривающая план научной работы; известный уровень напряженности усилий, повышенное качество научной работы; быстрая, бесперебойная передача достижений в хозяйственную практику. Для осуществления всех этих условий должной эффективности работы Академией было сделано за истекший год немало, хотя и нельзя скрывать от себя, что это — лишь первые шаги, что мы далеко еще не достигли поставленных себе целей.

Не случайно, что Академия уделила в 1932 г. так много внимания планированию научной работы. К началу второй пятилетки Академия должна была продумать и наметить основные

вехи своего дальнейшего движения вперед. Но этого мало. Академия, как высшее научное учреждение Союза, должна была продумать также вопрос о правильном распределении научного труда в сети научных учреждений вообще, в частности — о правильном соотношении между Академией и другими научно-исследовательскими институтами — головными и отраслевыми.

В целях координации работы в отдельных отраслях науки Академия продолжала начатое ею в предыдущие годы дело организации отраслевых плановых конференций. За истекший год особенно большую деятельность развила в этом направлении Биологическая ассоциация, созвавшая конференции по генетике, по микробиологии и по фаунистике. Все три конференции привлекли очень большое число участников и дали значительные результаты не только в смысле взаимного ознакомления каждого учреждения с планами других учреждений, ведущих аналогичную или близкую по тематике работу, но и в смысле согласования этих работ. Положительные результаты работы конференций нашли себе признание и в высшем планирующем органе Союза. Наметив конференцию по планированию науки, Госплан СССР поручил провести подготовительные совещания по наукам биологическим и по наукам геологическим — Академии Наук. Бесспорно, что только такие совещания могут реально обеспечить возможность построения единого научного плана. И ясно, что Академии Наук является по самым своим заданиям наиболее подходящим центром такой работы.

Эта мысль о центральной роли Академии Наук в деле планирования науки нашла себе выражение и в ряде постановлений Общего Собрания о желательности совместного обсуждения планов всех головных институтов промышленности и сельского хозяйства в заседаниях соответственных групп Академии. Работа головных институтов, как работа теоретического характера, во избежание излишней затраты средств и энергии, должна быть обязательно увязана с работой учреждений Академии Наук. Это облегчается тем обстоятельством, что во главе большинства учреждений такого типа стоят действительные члены и члены-корреспонденты Академии Наук.

Группы Академии, сосредоточившие в себе все лучшее, что имеется в Советском Союзе по данному кругу дисциплин, являются наиболее соответственным местом для такого согласования. Я не думаю, чтобы было целесообразно на данной стадии развития нашей плановой работы ставить этот вопрос в плоскости административной, в плоскости обязательства учреждений представлять свои планы на суждение Академии. Как мне кажется, здесь следовало бы итти скорее по пути соглашений с ведомствами, имеющими в своей сети крупные институты теоретического характера: Наркомпросом, Наркомтяжпромом, Наркомземом и т. д. Создание вокруг Академии такой большой ассоциации научных институтов было бы большим шагом вперед в деле организации нашей научно-исследовательской сети. В этом заинтересованы и ведомства и учреждения. Ведущая роль Академии в этой ассоциации определяется и должна определяться не теми или иными решениями законодательного порядка, а авторитетом научных сил, сконцентрированных в Академии.

По иному типу должны строиться взаимоотношения между Академией Наук и отраслевыми институтами. В общей форме этот вопрос за истекший год не ставился в Академии, но он неоднократно вставал перед нами по отдельным, частным поводам. Здесь необходимо четкое разделение труда, с одной стороны, тесная взаимосвязь, с другой. Основная задача Академии — разработка ведущих теоретических проблем, резрешение коих имеет общее принципиальное значение или является необходимой предпосылкой для осуществления практических установок социалистического строительства. Само собою разумеется, что при выборе этих теоретических проблем Академия полностью учитывает требования практики. Однако, мы не можем отказываться от той или иной формы участия в разрешении вопросов чисто практических. Это участие может выражаться и уже выражается различно. Работа в отраслевом институте может требовать руководства со стороны теоретических сил Академии или консультации по отдельным вопросам. Мы, конечно, идем в этом отношении навстречу практическим нуждам. Вместе с тем, в ряде случаев силы и оборудование Академии Наук могут быть и непосредственно использованы для разработки проблем сегодняшнего дня нашего строитель-

ства — когда это возможно и необходимо. Но если Академия Наук и непосредственной работой и теоретическим руководством должна помогать и помогает отраслевым институтам в разрешении их задач, то и они, в свою очередь, должны помогать Академии, когда последней необходимо использовать для ее задач силы и оборудование отраслевых институтов. Разделение труда и здесь предполагает кооперацию, хотя и иного типа, чем с институтами головными.

С таким пониманием места и роли Академии Наук в общей нашей союзной работе приступили мы к планированию деятельности учреждений самой Академии. За истекший год этой задаче пришлось уделить особое внимание.

Нам предстояло составить план не только на 1933 г., но и на всю вторую пятилетку. В результате полугодовой работы наших учреждений, ассоциаций и плановой комиссии мы издали в конце года производственный план Академии Наук на пятилетие — впервые в истории Академии, да, кажется, впервые вообще в истории науки. Прежде всего, характеризуя этот документ, необходимо отметить, что в нем наши научные задачи на вторую пятилетку самым тесным образом увязаны с нашими установками в области хозяйственного и культурного строительства. Стержневые проблемы нашего пятилетнего плана — это теоретические проблемы, выдвигаемые социалистической реконструкцией народного хозяйства и запросами культурной революции. Изучение и освоение природных ресурсов, вопросы энергетики, строительства, химизации страны, вопросы биологические, практически связанные с развитием легкой промышленности и сельского хозяйства, социально-исторические вопросы, связанные с задачами преодоления капитализма и пережитков более ранних формаций в сознании людей — таковы основные ряды, по которым строится план. Вместе с тем в плане сохраняют свое законное место и такие темы, которые, не вытекая непосредственно из нужд строительства, имеют первостепенное значение для решения основных вопросов научного миропонимания. Такова проблема структуры материи, такова проблема происхождения общественных классов и т. п.

Пятилетний план предусматривает в целях осуществления своих задач развитие всей сети учреждений Академии Наук. Но это развитие не может быть равномерным. При определе-

нии темпов роста каждой ассоциации и каждого учреждения приходится принимать в расчет, с одной стороны, требования общего пятилетняго плана, с другой — наличное состояние данного учреждения. Несомненно, например, что учреждения физико-математической и химической ассоциаций, некоторые институты геологической ассоциации находятся сейчас в положении, совершенно не соответствующем предъявляемым к ним жизнью требованиям. Их развитие должно быть форсировано в первую очередь, что, конечно, не означает пренебрежения к потребностям нормального роста других учреждений.

Особое место в Академии Наук занимает Техническая группа. Образовавшаяся всего четыре года тому назад, первоначально весьма немногочисленная по своему составу, она в истекшем году пополнилась в результате выборов на предоставленные нам дополнительные кафедры. Ее удельный вес в Академии значительно вырос. Но среди наших учреждений с Технической группой связано лишь одно — Энергетический институт. В плане намечен для него большой рост, что, конечно, совершенно необходимо при том значении, какое имеют для страны вопросы энергетики, и при отсутствии научных учреждений, ведущих теоретическую работу в этой области. На ряду с этим предусматривается создание в течение второй пятилетки ряда новых научно-технических институтов и лабораторий: Инженерно-строительного института, Института научной металлургии и т. д. Но для Технической группы больше, чем для какой-либо другой, необходимо строить свои перспективные планы в расчете не только на работу уже имеющихся или будущих академических учреждений, но и на должную увязку с Академией мощной сети научно-технических институтов Наркоматов. Строить в Академии параллельную сеть учреждений, конечно, и нецелесообразно и невозможно.

Еще одну черту пятилетнего плана Академии надлежит подчеркнуть. Наметка планов групп и учреждений Академии дана в ней на фоне общего перечня тех проблем, которые группы Академии считают наиболее актуальными, с точки зрения развития советской науки в целом, для всей сети научных учреждений Союза. Эта попытка увязать свой план с общими перспективами развития науки, разумеется, не может не быть ориентировочной, поскольку общая проблематика дана на основе работы

академических групп, проведенной без предварительного согласования с другими учреждениями, работающими в тех же научных областях. Но она свидетельствует о прочно укоренившемся в Академии сознании невозможности планировать научную работу учреждений Академии вне связи с целым, часть которого, хотя и весьма существенную, Академия составляет. На дальнейших совещаниях, на конференциях с другими учреждениями в наш проект, конечно, будут внесены поправки, быть может весьма существенные. Но почин Академии во всяком случае должен сыграть свою роль в деле правильной организации научной работы как в самой Академии, так и в Союзе вообще.

Параллельно с работой по построению плана Академия Наук принимала самое деятельное участие в деле общего хозяйственного планирования, тем самым содействуя внедрению достижений науки в наше хозяйственное строительство. Весьма значительную роль играла Академия в конференции Госплана по размещению производительных сил во второй пятилетке. Академией было поставлено на конференции свыше тридцати докладов по физике, химии, геологии, геохимии и биологии. Конференция в своем заключительном заседании отметила роль Академии в ее подготовке и в проведении ее работ.

Еще более интенсивным было участие Академии в проработке вопросов развития производительных сил во вторую пятилетку по отдельным республикам Союза. Академия участвовала в конференции по производительным силам Крыма, сама через свой Совет по изучению производительных сил, по соглашению с республиканскими правительствами, организовала конференции по производительным силам Казахстана, Закавказья и Узбекистана. Конференции объединили на общей работе представителей Академии Наук и других центральных научных учреждений с представителями правительственных и научных учреждений республик и были весьма плодотворны по своим результатам, несмотря на отдельные, неизбежные для первых опытов недочеты. Труды Казакстанской конференции уже вышли в свет; труды Закавказской и Узбекистанской готовятся к печати.

Однако, в этой области на ряду с достижениями необходимо обратить внимание и на недостатки нашей работы: нам до сих пор не удалось наладить дело планомерной консультации по

научным вопросам. Между тем число обращений за консультациями к Академии, как к центру научной мысли Союза, растет. Здесь нам необходимо продумать еще раз не только вопрос об организации консультационного аппарата в самой Академии, но и вопрос о способах организации консультации в более широких рамках, с привлечением в этому делу других научных учреждений. Таким образом, и эта линия работы толкает Академию на путь более тесной и постоянной связи с научной сетью отдельных ведомств.

Вопросы качества научной работы в наших учреждениях, ее эффективности, ставились нами не раз. На некоторых участках здесь можно отметить известные достижения. Но проблема качества в научной работе — сложная проблема. Повышение качества может быть дано улучшением материальной и технической базы, усовершенствованием метода работы, правильной расстановкой сил, наконец, — повышением трудовой дисциплины.

Неудовлетворительность нашей материально-технической базы, ее несоответствие новым требованиям, предъявляемым к Академии, были признаны в резолюции июньской сессии 1932 г., постановившей поставить перед правительственными органами вопрос о реконструкции Академии Наук. В пределах возможностей 1932 г. нам не удалось добиться в этом отношении сколько-нибудь значительных результатов. Эта задача целиком остается задачей 1933 г. и последующих лет второй пятилетки. На первую очередь мы выдвигаем реконструкцию учреждений Химической ассоциации, Геохимического института и оборудование Энергетического института.

Повышение методологического уровня работы, усвоение метода диалектического материализма наталкиваются на препятствия иного характера — на недостаток кадров научных работников, владеющих марксистским методом. Нам удалось за истекшие годы привлечь ряд новых научных сотрудников-марксистов, по преимуществу из числа окончивших нашу аспирантуру. Влияние марксизма в наших учреждениях, несомненно, усилилось. Ведется работа по марксистскому перевоспитанию старых кадров. Все же и на этом участке наши успехи далеко недостаточны. Мы сделали большой шаг вперед с 1929 г., но успокаиваться на достигнутом нам отнюдь не следует.

Вероятно, и впредь нам придется в вопросе о новых кадрах для Академии Наук рассчитывать в основном на аспирантуру. Это обстоятельство, в связи с повышенными требованиями на новые кадры, предъявляемыми отдельными нашими учреждениями и филиалами, заставило нас в истекшем году произвести в деле подготовки аспирантов ряд изменений.

Мы были вынуждены отказаться от приема аспирантов по тем специальностям, которые в учреждениях Академии в настоящее время не представлены, сосредоточившись, таким образом, на подготовке смены лишь для самой Академии. Среди специальностей, представленных в Академии, мы установили более высокие нормы приема по таким дисциплинам, по которым мы чувствуем с наибольшей остротой недостаток кадров (например, химия и геохимия), решительно сократив нормы по общественным наукам. Мы признали необходимым сосредоточить наши силы на подготовке кадров высокой квалификации, сохранив подготовительное отделение лишь для тех групп, по которым нет аспирантов при высших учебных заведениях, и в виде исключения — для представителей некоторых республик и краев, не имеющих пока возможности давать подготовленных кандидатов для нашей повышенной аспирантуры. Мы выработали точные профили подготовки аспирантов, более тесно связали с делом подготовки наши учреждения и усилили Комитет по подготовке кадров, включив в него дополнительно ряд действительных членов Академии.

Наконец, для того, чтобы привести состав аспирантов более ранних приемов в соответствие с новыми требованиями, мы решили провести проверку успешности научной подготовки аспирантов. Все эти мероприятия, вместе взятые, должны обеспечить повышение как качественного состава аспирантуры, так и общего тона ее работы, — следовательно и повышение уровня квалификации оканчивающих.

Правильной расстановки сил внутри учреждений и надлежащей трудовой дисциплины нам далеко еще не везде удалось добиться. Далеко не везде мы имеем оптимальное соотношение между работниками высокой научной квалификации и младшими научными сотрудниками, что не раз отмечалось в Президиуме при обсуждении отчетных докладов институтов. Во многих институтах мы имеем явно ненормальный процент совместителей,

если даже признать, что при ограниченности кадров с известным количеством совместительств приходится считаться, как с неизбежностью. Во многих институтах не на должной высоте и трудовая дисциплина. Конечно, в научные учреждения нельзя механически переносить те формы установления трудовой дисциплины, те формы контроля и учета труда, какие существуют в промышленных предприятиях или государственных учреждениях. Но, признавая все специфические особенности научного труда, мы не должны отказываться от выработки специфических способов проверки эффективности научной работы, не должны оправдывать специфичностью недобросовестное отношение или неспособность к исполнению принятых на себя обязанностей. Пересмотр с этих точек зрения — с точки зрения структуры и с точки зрения эффективности — штатов наших институтов остается нашей задачей на 1933 г.

Значительно больше успехов мы имеем, если говорить о расстановке сил по отношению к Академии в целом, — иными словами, о нашей общей организационной схеме. Еще в 1931 г. нами был взят курс на решительное укрепление ассоциаций и на передачу им ряда функций наших центральных органов. С ростом и усложнением стоящих перед Академией задач такая децентрализация стала совершенно неизбежной. В течение 1932 г. процесс ассоциирования учреждений Отделения математических и естественных наук был завершен созданием Физико-математической ассоциации. При академике-секретаре отделения был организован Секретариат отделения в составе секретарей ассоциаций. К Секретариату отделения и к Бюро ассоциаций отошел ряд дел текущего характера, загружавших до того повестку Президиума. В отдельных случаях ассоциациям и наиболее крупным учреждениям были переданы хозяйственные функции (напр., Химической ассоциации). По этому пути децентрализации — с усилением в то же время общего руководства Президиума как в научно-организационной, так и в хозяйственной области — мы пойдем несомненно и дальше. В связи с этим нами был поставлен вопрос о расширении состава Президиума для обеспечения участия в нем представителей всех основных групп Академии, — вопрос, не получивший еще пока своего разрешения.

То же усложнение функций заставило Президиум пересмотреть устаревшую структуру аппарата, обслуживающего цен-

тральные органы Академии. Часть общего хозяйственного аппарата должна быть передана ассоциациям и учреждениям. По отношению к этим низовым хозяйственным ячейкам центральный аппарат сохранит лишь контрольные функции. Взамен старых двух частей аппарата — Секретариата и Управления делами, за последние годы чрезвычайно выросшего, организуются четыре сектора: научно-организационный, административно-хозяйственный, ремонтно-строительный и рабочего снабжения. Само собою разумееется, что все секторы, получая самостоятельных заведующих, остаются в общем подчинении у членов Президиума — непременного секретаря по научно-организационной линии и вице-президента по линии хозяйственной.

При перечисленных изменениях в схеме руководства и обслуживания академических учреждений самая их сеть, поскольку речь идет об учреждениях центральных, не претерпела в 1932 г. существенных изменений. Чрезвычайно показательно, что сеть все же расширялась, но за счет станций, баз и филиалов на периферии.

Из филиалов, к организации которых мы приступили в 1931 г., наиболее успешно развился филиал Дальневосточный, состоявший под председательством акад. В. Л. Комарова. Филиалу удалось сконцентрировать значительные кадры местных научных работников. В состав его входят в настоящее время три института (Биологический, Химический и Институт техники), пять станций (из них две в стадии организации), кабинет по изучению народов Дальневосточного края. При филиале организована библиотека, им выпущен уже первый номер своего журнала „Вестник Дальневосточного филиала АН СССР“. Закавказский филиал, выросший на базе Института кавказоведения (председатель Н. Я. Марр), состоял в начале 1932 г. из двух отделений: естественных наук (секторы: биологический, почвенно-геологический и географический) и общественных наук (секторы: историко-экономический и языковедения). В течение 1932 г. в состав филиала вошел Азербайджанский институт по изучению производительных сил (директор акад. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг). По Уральскому филиалу (председатель акад. А. Е. Ферсман) обеспечены руководящие кадры для Химического, Геофизического и Геохимического институтов; производится оборудование

временных помещений для этих институтов. По Западносибирскому филиалу работа не начиналась, так как Западносибирским крайисполкомом не было отпущено на нее необходимых средств. В качестве первоначальных ячеек будущих филиалов Академией организованы в 1932 г. две комплексные базы: Казакстанская (в Алма-ата; председатель акад. А. Н. Самойлович) в составе секторов: ботанического, зоологического и географического и Таджикистанская (в Сталинабаде; председатель акад. С. Ф. Ольденбург) в составе секторов: геологического и биологического.

Наконец, в 1932 г. в сеть Академии Наук были включены: Феодосийская сейсмическая станция, Аральская соляная и Воронежская ботаническая. Организация филиалов, баз и станций — задача громадной важности не только для развития Академии, но и для всего нашего культурного строительства. К сожалению, ее разрешение должными темпами встречает препятствия в недостатке кадров и в ограниченности финансовых ресурсов.

Если мы подойдем к оценке достижений наших отдельных учреждений с точки зрения намеченных мною общих задач Академии, то вопрос об их значении придется поставить в такой форме: дает ли работа учреждений основания для уверенности в том, что Академия с этими задачами справится? Действительно ли почва для их разрешения достаточно подготовлена?

Мне кажется, что обзор материалов, представленных в отчете учреждениями, позволяет дать на эти вопросы положительный ответ. Конечно, результаты научных работ отдельных учреждений „не всегда соответствуют тем высоким требованиям, какие предъявляются страной к Академии Наук“. Некоторые учреждения еще не вполне перестроились, еще не научились работать по новому, в некоторых — еще немало рутины, в иных нет еще нужных темпов работы. Самообольщение было бы непростительно, закрывать глаза на недочеты своей работы мы не должны и не будем. И все же веяние живой жизни чувствуется почти на всех участках нашего академического фронта. Почти во всех учреждениях ставятся проблемы большого теоретического значения, и в то же время почти везде может быть отмечено стремление пойти навстречу запросам, выдвигаемым социалистическим строительством, почти изжита былая боязнь

„осквернения“ теории требованиями практики. Одно из ярких тому доказательств — все расширяющаяся система договоров Академии с нашими хозяйственными учреждениями и правительственными органами, — договоров, давших Академии около 50% ее общей сметы. По договорам было проведено в истекшем году не меньше половины работы Академии. Крупнейшее значение имеют среди них два договора, связывающие Академию с Наркоматом тяжелой промышленности и с Наркоматом земледелия. Первый финансировал работы Совета по изучению производительных сил, Химической и частью Геологической ассоциаций, второй — работы Биологической ассоциации и Почвенного института. Стоит вчитаться в эти догово ы, чтобы понять, как нелепы были опасения „урона“ для теоретической мысли от связи с социалистическим строительством, чтобы понять, как запросы строительства толкают к постановке больших теоретических проблем. Не случайно, конечно, что Народный комиссариат земледелия считает необходимым финансировать такие, казалось бы, чисто теоретические работы, как исследование происхождения домашних животных или исследование унаследованных количественных признаков и мутации.

Но самым ярким симптомом того, что Академия Наук в лице основного кадра ее работников готова и способна взять на себя разрешение новых задач, мобилизовать свои силы на работу над этими задачами, являются, бесспорно, наши сессии, радикально меняющие свой характер.

За истекший год мы провели две чрезвычайные сессии: в Свердловске и Новосибирске — сессию, посвященную проблемам Урало-Кузбасского комбината, второй угольно-металлургической базы Союза — и Юбилейную сессию в Ленинграде, связанную с пятнадцатой годовщиной Октябрьской революции.[1]

1932 год — завершающий год нашей пятилетки. Он был завершающим и для определенного, тяжелого, но исторически необходимого этапа в жизни Академии. Новые задачи второй пятилетки жизнь ставит перед Академией, в основных своих частях перестроившейся. Академия отдает свои силы великому делу—

[1] См. выше соответствующие очерки.

делу построения бесклассового, истинно-человеческого общества. На этом пути она выступает как один из отрядов единой великой армии, борющейся под испытанным руководством коммунистической партии.

Как много новых трудностей ни ждало бы нас впереди, мы должны победить. И мы победим.

НАШИ УСПЕХИ И НАШИ НЕДОЧЕТЫ[1]

Партии приходится посылать своих членов на различные участки фронта классовой борьбы. Среди этих участков участок, на котором мы находимся, Академия Наук, конечно, не является самым трудным; однако он выделяется чрезвычайной сложностью взаимоотношений и обстановки, — сложностью, требующей со стороны коммунистов, посланных на этот участок, большого умения быстро ориентироваться. Те успехи, которые здесь у нас имеются, были достигнуты нашей коммунистической фракцией и коммунистическим активом Академии в результате 3—4 лет работы, в результате длительной, подчас очень тяжелой борьбы.

Тот факт, что Академия Наук до 1929 г., можно сказать, не входила в число организаций, живущих общей жизнью со всем нашим Советским Союзом, то обстоятельство, что только с 1929 г. началось проникновение коммунистов в Академию и началась борьба за поворот Академии, — все это нужно нам твердо помнить.

Мы пережили разные этапы борьбы. Подчас в процессе каких-либо мелких преобразований многие из нас могли даже не чувствовать того, что по существу они принимают участие в классовой борьбе, происходящей во всем нашем Союзе и своеобразно преломляющейся, своеобразно отражающейся в нашей специфической обстановке. В самом деле, когда мы организационно перестраивали Академию, когда мы объединяли наши мелкие институты в ассоциации, когда мы организовывали крупные научные комбинаты, — разве мы вели только работу по внутреннему организационному упорядочению? Конечно, нет! Эта реорганизация учреждений Академии была нам нужна не столько сама по себе, сколько потому, что, лишь реорганизовав учреждения Академии, мы действительно могли поставить их работу так, чтобы она удовлетворяла высоким требованиям,

[1] Речь на собрании коллектива ВКП(б) 19 сентября 1933 г.

предъявляемым к высшему научному учреждению со стороны нашей советской общественности и коммунистической партии. Многие из нас этого не могут помнить, потому что сам партийный актив сводился, когда эта работа начиналась, к ничтожной группке, не превышающей одного десятка. Многие этого сейчас не помнят. Но ведь на учреждения Академии Наук существовал взгляд как на личные лаборатории, имеющие своей задачей обслуживание индивидуальных, может быть иногда высоко интересных задач, которые ставит себе данный отдельный академик. Если припомнить это, то станет совершенно ясно, что при таком взгляде и при таких установках использование наших учреждений для нужд социалистического строительства было задачей совершенно неразрешимой. Поэтому та затрата усилий, которая потребовалась от нас для черной, как будто, работы по перестройке всех наших учреждений в 1930 г., была совершенно необходима. И если сейчас кто-либо нас критикует, упрекая в том, что мы переоценивали организационную сторону дела, то эта критика бьет мимо цели и свидетельствует о непонимании того положения, в котором мы тогда находились.

Вторая большая проблема — проблема содержания работы. Само собой разумеется, что перестройка организационных форм Академии должна была найти себе оправдание в последующем изменении работы. Это, конечно, так. Многие, за исключением некоторых, давно работающих в Академии товарищей, может быть не представляют себе, какой борьбы и каких усилий, какого количества разговоров, доказательств всякого рода потребовало от нас внедрение в Академию простой идеи планирования научной работы, сколько труда положили в это дело коммунисты совместно с примкнувшей к ним группой беспартийных работников на первых шагах их деятельности в Академии Наук. Разве не говорили нам, что наука только тогда может свободно развиваться и давать те плоды, которых от нее ожидает человечество, когда она совершенно свободна? Разве не говорили нам то, что сейчас говорит лишь небольшая группка (два-три человека таких осталось, я думаю, и сейчас в Академии Наук), что никаких планов научно-исследовательской работы институтов не может быть? „Целеустремленность работы завтрашнего дня, говорили нам, вытекает из процесса сегодняшней работы

и ее результатов; предусмотреть заранее, в каком направлении двинуть работу, определить эту целеустремленность на послезавтра — мы не можем“.

В действительности такого рода беспλановая работа в любом, в самом маленьком научном коллективе невозможна. Когда мы выдвигали требование плана, мы встречали кое-где самый жестокий отпор. Что это было? Конечно, классовая борьба в ее своеобразном преломлении на нашем академическом фронте.

Как бы хороша ни была организация и как бы хороши ни были планы, для их осуществления в рамках определенной организации нужны соответствующие кадры. Борьбу за повышение качественного состава работников Академии Наук мы ведем тоже четыре года. И здесь, несомненно, у нас большие достижения. Мы создали новые кадры путем подготовки аспирантов. Но аспиранты начали входить в ряды научных работников только в самое последнее время и в небольшом сравнительно числе.

Большая работа была проведена нами по очистке Академии Наук от непригодных элементов. Мы встречали и здесь самый жестокий отпор со стороны старых работников. Даже в самых убедительных случаях, когда дело касалось определенного лица, нам всякий раз доказывали, что это как раз и есть лицо, наиболее подходящее к той или иной должности, и что вся работа будет разрушена, если мы до него дотронемся. Мы с этой задачей в основном справились, многих удалили. И наша работа, работа Академии не только от этого не остановилась, наоборот, она пошла более нормальными, с точки зрения требований советской действительности, темпами и в направлении, соответствующем задачам социалистического строительства.

Разве не видно теперь, что это сопротивление было одним из проявлений классовой борьбы?

Наши задачи были очень сложны и трудны. Мы должны были сохранить все ценности, какие были накоплены в Академии Наук, не только ценности материальные, но и все ценное в личном составе. И мы должны были весь этот сложный механизм, весь этот научный аппарат перестроить так, чтобы включить Академию Наук в наше общее дело — дело социалистического строительства.

В этой работе, как во всякой работе в условиях классовой борьбы, которую я характеризовал, перед нами была возмож-

ность, конечно, ошибок двух родов: с одной стороны, оппортунистического перерождения, особенно страшного, особенно возможного в условиях Академии Наук, где наши молодые работники коммунисты иногда попадали в окружение высококвалифицированных, очень много знающих и очень авторитетных людей, но людей, сознательно или бессознательно препятствовавших нашей работе; с другой стороны — лево-уклонистских замашек, замашек, от которых пахло зачастую комчванством, стремлением перескочить те реальные трудности, которые на данном этапе борьбы, на данном этапе развития были неизбежны. Взгляд на специалистов, как на людей, которые „ничего не могут дать нам, коммунистической молодежи", был довольно широко распространен у нас. Эти проявления „детской болезни левизны" замечались вплоть до самого последнего времени.

У нас было немало случаев, когда в партийной организации приходилось ставить вопрос о перерождении и утрате партийного лица тем или другим партийным товарищем, работающим на отдельном участке нашего фронта. Были случаи, когда приходилось ставить вопрос даже об исключении из партии. Совсем недавно, весной, на одном из участков нашего фронта мы заметили и кому нужно отметили, что партийные товарищи, посланные туда, утратили свое партийное лицо, утратили партийное понимание стоящих перед ними проблем и рассматривают их всецело с точки зрения беспартийных специалистов, — о которых я, конечно, не хочу сказать, как о таковых, ничего плохого.

Таких случаев, повторяю, было очень много. Но много боли и много волнений причиняли нам и „левые" заскоки, которые проявлялись у некоторых товарищей в самой грубой форме: „Ну, чему же можно у этих старых специалистов научиться?" И когда я спрашивал: „Вы считаете, что знаете не меньше и не хуже этих специалистов?" — мне отвечали: „Все, что нужно, я знаю лучше". Это — почти стенографическая запись. К чему подобные заскоки приводили? Они не содействовали нашим успехам, а, наоборот, тормозили их, потому что, когда от имени партийной организации к тем или иным беспартийным ученым предъявлялось требование, чтобы они срочно выступили на трибуне и покаялись во всех своих ошибках, то это требование вызывало недоумение, а иногда и отпор, во всех случаях заста-

вляло насторожиться. Требование, чтобы специалисты в 24 часа сделались последовательными марксистами, диалектиками, материалистами, до чрезвычайности дезорганизовало планомерную работу, которую вела наша фракция в тесном единении с партийным коллективом Академии.

Мы за эти $3^1/_2$—4 года бесспорно очень многого достигли. Нельзя сравнивать Академию Наук ни с какой точки зрения с тем, чем она была в 1929 г. Но парторганизация не должна закрывать глаза и на то, как много еще нами не доделано, как много у нас по всем линиям недочетов.

Возьмем проблему планов. Мы достигли того, что в каждом учреждении по директивам из центра, связанным с общими установками пятилетнего плана и с перспективами развития наших научных учреждений, разработаны планы научных работ. По этим планам проводятся научно-исследовательские работы в большинстве наших институтов. И, несмотря на то, что мы провели в этой области очень большую работу, мы должны, подводя ей итоги, сами перед собой и, конечно, перед партией сознаться, что здесь еще не все сделано. Есть институты, в которых имеется значительное число коммунистов, но и там с этим делом не вполне благополучно. Даже в порядке нормального составления планов мы еще не научились четко работать, чтобы действительно получать в результате то, что соответствовало бы вполне данным директивам и чего вправе ожидать наше руководство от низовых ячеек.

Но составить план — одно, а практически осуществить его — другое. Важно, чтобы планы были реальны и работа в точности соответствовала им в той мере, в какой, конечно, жизнь не требует коррективов.

К сожалению, и здесь не все благополучно. Иной раз прекрасный план, а когда начнешь проверять выполнение в определенные сроки, то создается впечатление, что какая-то часть плана не выполняется, остается фикцией, что в учреждении идет что-то, не предусмотренное планом. Нет четкости и ясности в построении работы и учета. И если у нас имеются такие недостатки (а я считаю их очень большими и существенными недостатками), то, очевидно, мы не достигли известных результатов в наших низовых ячейках. Научный аппарат достаточно квалифицированный, значит можно было бы наладить нормальную

работу и нормальную связь аппарата, который изготовляет планы, и аппарата, который их осуществляет.

Вопрос о кадрах. Мы усиленно принимали меры к тому, чтобы в возможно скором времени создать для себя новую смену. При этом мы размахнулись так широко, что просто даже вышли за пределы возможного в рамках Академии Наук.

Я никого не хочу обвинять, потому что и сам в этом виноват. Мы создали аспирантуру, создали подготовительное отделение аспирантуры, создали школу препараторского ученичества. Но создать мало, надо было должным образом поставить прохождение всех этих стадий, чтобы получить тот эффект, на который мы рассчитывали, а тот эффект, который мы получаем, эффект положительный, эффект, за который вероятно кто-нибудь признает наши заслуги, все же недостаточен. Если сравнить количество затраченных сил с количеством реально выпущенной нами подготовленной аспирантуры, получится такой низкий процент выхода нормальной, нисколько не бракованной продукции, что есть за что побранить нас.

И не удивительно, что Президиум ЦИК последним постановлением по докладу Академии Наук обратил на это внимание. Формулировка Президиума ЦИК не развернута, но вывод такой: решительно повысить качество лиц, отбираемых в аспирантуру, и решительно повысить работу по повышению их качества во время учебы в Академии Наук.

Президиум поступил очень деликатно и за прошлое нам голову не намылил, но по существу эта часть постановления Президиума достаточно внушительна.

Когда мы оцениваем работу нашей партийной организации, нам необходимо говорить об общих недочетах работы, из которых я остановился лишь на двух в виде примера, нужно их подчеркивать, выставлять на первый план, чтобы с тем большей энергией взяться за их ликвидацию.

Нам предстоит еще очень много борьбы и за качество подготовки кадров, и за качество планов и их выполнения, и за многое другое. Нам придется во всех этих направлениях провести очень серьезную, очень длительную и подчас трудную работу. В этой работе от членов партии будет требоваться строгое сохранение четких партийных установок. Такого рода работа не только не отталкивает от нас беспартийных науч-

ных специалистов, наоборот, с каждым новым днем нашей работы, с каждым нашим успехом в ней мы будем все больше и больше втягивать их в дело социалистического строительства. Когда академики, которые еще недавно чувствовали себя совершенно лишними в этом деле, заверяют о необходимости самой интенсивной работы на фронте социалистического строительства, это — наше несомненное достижение.

С теми достижениями, которые мы уже имеем на сегодняшний день, при растущей силе нашей партийной организации, четко выполняя директивы партии, мы, я уверен, справимся с теми задачами, которые поставлены перед Академией Наук нашей великой эпохой борьбы за социалистическое общество.

ТРУДЫ И ДОСТИЖЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК[1]

XVII съезд коммунистической партии — великий смотр наших достижений и наших сил.

За период, отделяющий нас от XVI съезда, успехи нашего социалистического строительства колоссальны. И на фронте индустриализации, и на фронте коллективизации сельского хозяйства, и на фронте культурной революции мы добились громадных, решающих побед. Подвести им итог и на основе этого итога наметить, руководствуясь генеральной линией партии, перспективы дальнейшего движения вперед, к коммунизму, на ближайший отрезок времени — такова основная задача Съезда.

Совершенно естественно, что к Съезду готовится вся страна: все ее организации, все ее учреждения на отведенных им участках работы подытоживают свои достижения, как и свои недочеты, готовясь, таким образом, к новому подъему строительства, к которому призовет их социалистическая страна через верховный орган руководящей ею партии. Подводит счет своим успехам, намечает пути своей дальнейшей работы и высшее научное учреждение Союза — Академия Наук.

Возьмем для начала количественные показатели. Смета в 3 млн. в 1928 г. и смета в 25 млн. в 1934 г. Менее 500 научных работников в 1928 г., больше 1500 — в 1934 г. Из них 2 коммуниста в 1928 г., свыше 200 — в 1934 г.

Однако, количественные показатели не дают, конечно, полной характеристики изменений в работе Академии.

Гораздо важнее не количественный рост, а те качественные сдвиги, которые мы в работе Академии за этот период наблюдаем.

В 1928 г. в пролетарской массе мало кто интересовался Академией. Академия стояла в стороне от большой дороги нашего строительства. К ней относились с известным почте-

[1] Речь, переданная 12 января 1934 г. по радио.

нием: „все-таки там сидит 40 ученых стариков, которые о чем-то думают“. Но ее значение для большого дела, которое мы все делаем, было неясно. И действительно, лишь отдельные академики, отдельные учреждения Академии были связаны в эту эпоху в своей работе с запросами строительства. Академия в целом была вне жизни и не без основания считалась многими каким-то „чужеродным телом“ в нашей советской системе.

За последние четыре года Академия изменилась до неузнаваемости, пожалуй не меньше, чем некоторые из наших промышленных гигантов. Она значительно пополнила свой состав, включив в него группу техников, в том числе, наряду с теоретиками, видных практических работников нашего строительства, таких всей стране известных людей, как Винтер, Веденеев, Бардин, Графтио. Она перестроила сеть своих учреждений, обратив особое внимание на те отрасли науки, которые были на заднем плане в старой Академии. Например, она создала заново такие институты, как Институт энергетический — значение проблемы энергетики для нашей страны понятно всем. Академия подводит новую материальную базу под работу химических лабораторий, перестраивая эту работу на новых основаниях. Она пошла навстречу интересам новых хозяйственных районов и национальных республик и приступила к организации своих филиалов, баз и станций на местах. Такие отделения Академии Наук имеются сейчас (я перечисляю только важнейшие) в Свердловске, во Владивостоке, Алма-ате, Сталинабаде, Тифлисе, Баку, Хибиногорске.

Академия перестроила работу своих сессий, посвящая значительную часть их крупнейшим научным проблемам, связанным с задачей реконструкции промышленности и сельского хозяйства. Для примера укажу три: „Изучение производительных сил Ленинградской области“ в 1931 г., „Проблема Урало-Кузбасса“ в 1932 г. и „Проблема Большой Волги“ в 1933 г.

Словом, из „чужеродного тела“ она все более превращается в живой центр научной мысли страны строящегося социализма.

Все эти перемены были возможны лишь на базе отмеченного в свое время тов. Сталиным поворота в настроениях широких масс интеллигенции и связанного с ним поворота в характере, в планах работ научных учреждений вообще и Академии — в частности.

Подводя итоги этой работы, мы можем отметить в ней громадные сдвиги в сторону связи с социалистическим строительством и немалые достижения. Было бы и утомительно и просто невозможно дать здесь их исчерпывающий перечень. Приходится указать лишь несколько наиболее характерных.

Целиком связана с актуальными запросами жизни работа Энергетического института. Основными проблемами его были проблемы Большой Волги и проблема Кура-Рионского энергетического узла (в Западном Закавказьи). Институтом выполнен ряд заданий по энерго-экономическому обоснованию гидростанций Волжского бассейна. Среди частных вопросов этой большой проблемы особое значение имеет вопрос о совместной работе тепло- и гидроцентралей и о передаче больших мощностей. По Западной Грузии составлена генеральная схема использования водных ресурсов и схема энерго-промкомбинатов на базе Кура-Рионских централей и местного минерального сырья.

Немалое значение для строительства и для обороны страны имеют работы Сейсмологического института. Он разработал новую теорию распространения колебаний в упругой среде, теорию, позволяющую решать основные задачи, связанные с колебаниями в земной коре. Работа Института выходит далеко за пределы изучения землетрясений, ибо колебания земной коры имеют место и в ряде других случаев: при введении в действие аггрегатов большой мощности, при увеличении городского большегрузного транспорта и т. д. Институт создал за последнее время свою, советского производства аппаратуру, которой он снабжает сеть своих сейсмических станций, разбросанных по всему Союзу, — сеть, которая может считаться лучшей в мире.

В области геологии и геохимии широкой известностью пользуются работы акад. Ферсмана над проблемой распределения элементов в земной коре, позволяющие научно обосновать и предопределять поисковые работы; широко известны и практические результаты экспедиционных изысканий Академии в этой области, ее участие в открытии полезных ископаемых на Кольском полуострове (апатит, нефелин, железорудные месторождения, месторождения цветных металлов и т. д.). Немало сделано также и в направлении разработки методики промышленного использования этих важных для нас находок.

Большое значение имеют также работы Петрографического института — акад. Левинсон-Лессинга над новыми видами стройматериалов, по опытной плавке сибирских траппов, по каменному литью вообще; значение этих работ для промышленности бесспорно.

Среди работы наших химических учреждений нельзя не отметить работы акад. Фаворского над проблемой синтетического каучука; способ получения искусственного каучука акад. Фаворского в настоящее время испытывается уже в полузаводском масштабе. Рядом с этим идет работа акад. Кистяковского над проблемами коррозии металлов и флотации, работа акад. Курнакова над металлическими сплавами, особенно — легкими сплавами, имеющими громадное значение в авио- и автостроении, над соляными равновесиями; над методами разделения и очистки платиновых металлов — эти методы уже широко применяются в промышленности.

В числе разнообразных и очень интересных для практики работ наших биологов отмечу большую комплексную проблему — проблему ирригации. Совместная работа над вопросом орошения идет в Почвенном и Ботаническом институтах, в Лаборатории физиологии растений. Увязанная непосредственно со строительством Большой Волги, она дала результаты, весьма высоко оцененные и содержащие ряд новых данных, которые нельзя не учитывать при разрешении самых основных проблем строительства.

Наконец, сумели связать свою деятельность с задачами социалистического строительства — по преимуществу по линии культурного строительства в нацреспубликах — и наши учреждения обществоведческие. Работа над историей народов, угнетавшихся царским правительством, являвшихся объектом колониальной политики царизма и считавшихся незаслуживающими исторического изучения, помощь отсталым народам в их языковом и культурном строительстве, создание для них нового алфавита, разработка грамматик для так называемых малописьменных народов, создание словарей — вот выбранные наудачу темы из планов этих институтов.

Нельзя не упомянуть здесь и большую экспедиционную деятельность Академии, давшую нам немало новых сведений о наших сырьевых и топливных ресурсах. На Севере Академией

был проведен ряд экспедиций на Кольском полуострове, о результатах которых я уже говорил, характеризуя деятельность наших геологических учреждений. Кроме того, Академия включилась в работу по исследованию и освоению восточной части нашего Северного края — Печорского бассейна. В Средней Азии Академия уже в течение нескольких лет руководит большой Памирско-Таджикской экспедицией, впервые устранившей ряд „белых мест“ на карте этой части Союза и выявившей значительные и разнообразные минеральные богатства. Совершенно невозможно дать здесь обзор хотя бы одних наименований тех многочисленных экспедиций, какие провела за последние годы Академия.

Особый вид деятельности Академии составляет изготовление всякого рода карт, обзоров и сводок, являющихся необходимой предпосылкой дальнейшей научной работы.

Такого рода сводки изготовляются и нашими геологическими учреждениями и учреждениями биологическими. Широко известны и пользуются большим авторитетом такие издания Академии, как „Флора Союза“, „Фауна Союза“ и т. д. Из карт стоит указать на имеющую исключительное значение почвенную карту Союза, составленную Почвенным институтом.

Интенсивная работа Академии за последние годы нашла себе высокую оценку в двух правительственных актах: в постановлении Президиума ЦИК СССР по докладу Академии и в передаче Академии в ведение СНК СССР.

Последнее решение правительства открывает новую эпоху в жизни Академии. Оно должно побудить Академию еще теснее включиться в нашу общую работу, еще крепче связать деятельность своих учреждений с общим планом строительства.

В ближайшее время Академия рассмотрит еще раз план своей деятельности, исходя из установок второго пятилетнего плана строительства, но некоторые узловые проблемы могут быть намечены уже сейчас.

Это — проблема транспорта, как известно весьма остро перед нами поставленная. Здесь Академия может и должна включиться по самым различным линиям; и вопрос о металле для транспорта, и вопрос об электрификации транспорта, и геохимические, почвенные и ботанические исследования районов запроектированных новых дорог (напр. Сев.-Сибирская маги-

страль) — все это несомненно должно стать предметом внимания ряда учреждений Академии.

Далее — все та же грандиозная проблема Большой Волги. Здесь есть еще над чем поработать и нашим геологам, и нашим биологам, и нашим энергетикам. Уже сейчас намечается связь Академии по этой линии и со Средволгостроем, и с Гидроэнергопроектом, и с другими хозяйственными организациями.

Наконец, комплексная проблема субтропиков. Академия имеет большой опыт работы и во влажной части наших субтропиков (Западное Закавказье) и в сухой (пустыни Среднезиатских республик). Она не может, да и не захочет отказаться от работ над задачей освоения субтропиков — задачей, поставленной правительством новому Комитету по субтропикам.

Можно было бы говорить еще много и о многом. Наше невиданное в мировой истории строительство ставит перед научной мыслью невиданного масштаба задачи. И наша советская научная мысль от работ над этими задачами не уклонится.

Все те успехи, которыми отмечена наша работа в Академии Наук, связаны теснейшим образом с нашими общими успехами на основных фронтах нашего хозяйственного и культурного строительства. Как и на других фронтах, они дались нам не без борьбы. Классовая борьба, происходившая в стране, находила свое отражение в своеобразных формах и в Академии Наук. И если мы на нашем участке борьбы имеем достижения, то и здесь, как и везде, мы обязаны ими в первую очередь нашей великой коммунистической партии, правильности ее генеральной линии, четкости работы ее ЦК во главе с испытанным и любимым вождем, лучшим учеником Ленина, — тов. Сталиным.

К XVII съезду Всесоюзной коммунистической партии Академия Наук идет как один из отрядов великой армии борцов за социализм, за освобождение всего человечества от всех видов рабства, неравенства и эксплоатации.

АКАДЕМИЯ НАУК В 1933 г.[1]

В течение последних лет Академией Наук была проведена большая работа по внутренней перестройке. Одних учреждений и видов деятельности эта перестройка коснулась сильнее, других — слабее; одни были к ней подготовлены больше и принимали ее с радостью, другие — не без сопротивления. Но она была исторически необходима; она разрушила стены, отделявшие Академию от окружающей ее революционной жизни, она дала возможность Академии Наук занять подобающее ей место в нашей советской системе.

Всякая перестройка, как бы она ни назрела, всегда сопровождается некоторыми неудобствами, всегда грозит временными перебоями в жизни перестраивающегося учреждения. Мы всемерно старались подобных перебоев по возможности избегнуть. Подводя итоги пережитому за четыре года, можно констатировать, что эту задачу удалось разрешить с значительным успехом. Ярким доказательством служит та живая, напряженная и продуктивная научная работа, которая идет и шла за эти годы в наших научных учреждениях и в наших экспедициях, — то общественное значение, которое приобрели наши сессии и наши конференции. Можно с уверенностью сказать, что научная и научно-организационная деятельность Академии, значительно расширившись, ничего не утратила в своей глубине и интенсивности.

В 1933 г. мы получили авторитетную оценку работы Академии Наук со стороны Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. В своем постановлении, принятом по докладам трех Академий 27 июля 1933 г., Президиум ЦИК констатировал решительный поворот в работе Академии в сторону обслуживания практических задач социалистического строительства. В частности, в постановлении отмечены, как до-

---

[1] Речь на торжественном годовом собрании Академии Наук СССР 12 февраля 1934 г.

стижения Академии, — реорганизация академических учреждений, переход к системе планирования научно-исследовательской деятельности, согласование плана работы с органами, непосредственно руководящими промышленностью и сельским хозяйством.

Отчет о деятельности Академии Наук за 1933 г. это — отчет о продолжающейся работе в том же направлении, которое отмечено и получило одобрение в постановлении Президиума ЦИК СССР.

В отчете за 1932 г. мне пришлось отвести весьма значительное место планированию научной работы. Несомненно, как это правильно отмечено в постановлении Президиума ЦИК, Академия достигла больших успехов в деле планирования своей работы; несомненно, ей удалось также связать в плановом порядке свою работу с основными задачами социалистического строительства, отнюдь не снижая уровня производимых ею теоретических исследований. В этом нетрудно убедиться, просмотрев отчеты наших учреждений за 1933 г. Еще более ясная картина получилась, когда мы попробовали к XVII съезду ВКП(б) суммировать итоги работы Академии за четыре года (1930—1933 гг.). Я лишь бегло коснусь некоторых моментов в наших планах и работе 1933 года, выбирая в виде примера по два-три института каждой ассоциации.

Начнем с Физико-математической ассоциации. Самый молодой из институтов этой ассоциации — Энергетический — развернул большую работу по основным гидро-тепло-электро-техническим и техно-экономическим проблемам энергетики и электрификации. В связи с проектами Большой Волги институтом были составлены рабочие гипотезы структуры хозяйства районов, использующих энергию проектируемых гидростанций; изучался вопрос о совместной работе теплоэлектроцентралей и гидростанций и о передаче больших мощностей. Исследованы методы хранения и рентабельность сжигания фрез торфа, что весьма важно для установления возможности использования местных малоценных сортов топлива. Начат ряд работ по применению теории подобия к исследованию явлений теплопередачи в различных тепловых устройствах. Сейсмологический институт, при большой теоретической работе по изучению теории дифракции волн и по другим проблемам теории

колебаний, разрабатывал тем самым теоретические основы проблемы строительства при наличии дополнительных сил инерции, возникающих в условиях колебания земной коры. Институт давал консультации почти по всем значительным стройкам в сейсмических районах СССР (Транскавказская ж. д., строительство в Таджикистане и т. д.), им составлен ряд сейсмо-тектонических карт, закончены работы по конструированию и исследованию осциллографа собственной системы, а также пьезо-электрического и электро-динамического вибрографов. Приступлено к серийному производству этих приборов. Велась работа над изучением машин как источников сотрясений в полуэкспериментальных и в естественных условиях. В Физико-математическом институте шла интенсивная работа в области теоретической физики — в соответствии с задачами, поставленными институту Общим Собранием при реорганизации института: по основным вопросам квантовой электродинамики, по физике атомного ядра, по теории нейтронов и позитронов и т. д. Подготовлялась база для экспериментальных работ, группирующихся вокруг проблем структуры вещества.

Химической ассоциацией велась работа по ряду вопросов, связанных с актуальными задачами строительства: по использованию соляных ресурсов для целей химической промышленности (Институт физико-химического анализа и Лаборатория общей химии); по изучению металлических сплавов, имеющих большое значение в тяжелой промышленности; по синтезу новых видов искусственного каучука; по использованию дешевых сортов топлива и природных газов для выработки моторного топлива; продолжалась работа по проблеме коррозии и борьбы с ней и т. п. Отдельные лаборатории и институты ассоциации были тесно связаны в своей деятельности с крупными предприятиями и хозяйственными организациями. Так, Лаборатория общей химии выполнила по заданию Березняковского Химического комбината работу по кальциевой селитре. Работа велась под непосредственным руководством директора лаборатории Н. С. Курнакова. Помимо этого, консультацией и помощью лаборатории пользовался ряд научных институтов промышленности. Институт физико-химического анализа давал консультации по вопросу о комплексном использовании солей озера Эльтон, по проектированию

Химического комбината на Перекопских озерах. Институт поддерживал связь с заводами: с Красным Путиловцем, с заводом им. Ворошилова, с Электросталью. Институт платины проводил исследование в области комплексных соединений платиновых металлов, их сплавов, работал над вопросами их аффинажа и анализа. Методы, разработанные институтом, уже освоены промышленностью и дали исключительные результаты. Институт поддерживает постоянную и живую связь с Аффинажным заводом в Свердловске. В связи с работой по изысканию новых источников добычи платины, институтом были выполнены исследования по изучению сульфидных руд Алтая, Кавказа и Закавказья, причем установлено наличие платины в рудах Риддерских месторождений, Алавердских и др.

Все эти большие и разнообразные работы, из которых я мог упомянуть здесь лишь некоторую часть, ни в коей мере не препятствовали продолжению и развитию теоретических исследований Химической ассоциации. Так, в Институте физико-химического анализа продолжались исследования топологии химической диаграммы, — исследования, приведшие к новым результатам, подтверждающим на конкретном примере диалектический принцип единства прерывности и непрерывности. В Лаборатории общей химии шла работа над проблемами молекулярного состояния вещества, над проблемами химической энергетики, над не водными растворами. Лаборатория органического синтеза работала над изучением зависимости между строением и химическими и физическими свойствами органических веществ и т. д. и т. п.

Такое же слияние — вернее сказать, такое же единство — работы над основными теоретическими проблемами и над вопросами, непосредственно связанными с задачами социалистического строительства, наблюдается и в учреждениях Геологической ассоциации. Проблема магмы и магмообразования, вопросы вулканизма, интрузий, охлаждения и дифференциации магмы, минералообразования постмагматических процессов — все это большие теоретические проблемы. Топология и характеристика рудных полезных ископаемых — проблема большого практического значения. Геохимия элементов в земной коре — большая теоретическая проблема. Изучение геохимических зон и металлоносных поясов, обоснование поисково-

разведочных работ — связаны с самыми насущными потребностями нашего хозяйства. Отрыв теории от практики был бы здесь явным насилием над научной мыслью. В частности, в Ломоносовском институте за истекший год были проведены работы по геохимии бериллия, циркония, фтора и получены указания для практического их извлечения. Изучалась геохимия элементов группы железа. Проведен ряд экспедиционных исследований, в том числе по свинцовым месторождениям Тянь-шаня. Открыты месторождения вольфрама и олова. В Петрографическом институте развернуто лабораторное исследование магнитных свойств горных пород, поставлено впервые в СССР изучение диэлектрической постоянной и удельного сопротивления пород. Почвенным институтом были проведены исследования, в связи с ирригацией Заволжья, по вопросам закономерности выветривания; в институте продолжалась работа по составлению почвенной карты СССР. Соляная лаборатория, продолжая работу по изучению месторождений и технологических методов использования мирабилита, бора, хрома, иода, поваренной соли, выдвинула новую проблему изучения среднеазиатских селитроносных земель.

Учреждения Биологической ассоциации также проявили большую активность в деле приближения планов своей работы к задачам социалистического строительства. В отчете Ботанического института дан такой перечень теоретических и неразрывно с ними связанных практических проблем, разрабатывавшихся в институте: 1) проблема вида, 2) проблема фитоценоза, 3) проблема происхождения растительности СССР с начала третичного периода, 4) проблема взаимоотношения среды и организма и борьбы за урожай, 5) проблема растительного сырья, 6) проблема озеленения, 7) проблема освоения новых территорий. Институт принимал участие в экспедициях Нижневолжской, Дальневосточной, Кольской, — в экспедициях, связанных с новым строительством. Он вел большую работу по подготовке издания „Флора СССР“ — определителя и вместе с тем полного инвентаря всех известных видов высших растений на территории Союза с указанием их распространения и хозяйственного значения. Одновременно он подготовил издание „Сорно-полевые растения СССР“—издание, имеющее боль-

шое практическое значение в деле борьбы за урожай. Лаборатория биохимии и физиологии растений работала над проблемами яровизации растений, стойкости растений (сухостойкость, холодостойкость, жаростойкость, солестойкость, биологическая стойкость), корневого питания, воздушного питания. По договору с Нижневолгопроектом лаборатория выполнила ряд тем по выяснению норм и сроков полива при орошении. Институт генетики ставил своей задачей разработку основных проблем генетики, общих вопросов изменчивости и наследственности, не теряя, однако, из виду практических задач селекции, для которой эти исследования дают теоретическую базу. Из отдельных проблем, над которыми работал институт, отметим проблему межвидовой гибридизации, проблему происхождения домашних животных. Лаборатория микробиологии разрабатывала вопросы общей и технической микробиологии. Центральной проблемой была проблема изменчивости и расообразования. Задачей было поставлено выяснение факторов и закономерности расообразования и получение экспериментальным путем новых стойких рас, обладающих практически полезными свойствами. Работы — в целях приближения к практике — проводились на микроорганизмах, применяемых в бродильных производствах и сельском хозяйстве. Начата работа по микробиологии почв. Лаборатория провела ряд исследований по заданиям хозяйственных органов. В Зоологическом институте мы также находим за истекший год сдвиги в сторону постановки тем, сближающих его работу с практикой. Наряду с такими общими теоретическими проблемами, как проблема вида, история фауны, взаимоотношения организма с условиями его существования, в его программе стояли содействие развитию животноводства и охране здоровья. Большое практическое значение имеют работы Зоологического института по определителям. Не случайно ряд этих определителей приготовлен по заданиям Наркомзема и Наркомздрава. Особенно следует отметить в этой связи работы Паразитологического отдела, имеющего договоры с рядом государственных органов.

Работа учреждений Отделения общественных наук, объединенных в 1933 г. в единую ассоциацию, если ее характеризовать со стороны структуры плана, с точки зрения соотно-

шения теоретических и практических задач, стояла не ниже работы учреждений Отделения математических и естественных наук. В отчете ассоциации мы видим ряд тем, связанных с основными проблемами исторического знания. Работа над этими проблемами имеет большое значение для уяснения наших представлений об историческом процессе и его закономерностях. Сюда относятся работы по проблемам истории доклассового общества (Институт антропологии и этнографии, Институт языка и мышления), по проблемам истории феодализма (Историко-археографический институт — на материале русской истории, Институт востоковедения — на материале истории народов Востока, Институт антропологии и этнографии — на материале этнографическом, Институт русской литературы — на материале литературном), по проблемам истории языка и мышления (Институт языка и мышления), по проблемам истории письма (Институт книги, документа и письма), по проблемам истории науки и техники (Институт истории науки и техники).

Совершенно естественно, что в нашей революционной стране, в стране пролетарской диктатуры, большое значение уделяется темам, связанным с историей пролетариата и крестьянства и их классовой борьбы. Эти темы разрабатываются в Историко-археографическом институте, в Институте востоковедения, в Институте славяноведения. Особенно здесь следует подчеркнуть заслугу Историко-археографического института, подготовившего к изданию весьма значительное число сборников исторических материалов, характеризующих отдельные моменты в истории пролетариата и крестьянства. Третью группу тем исторического характера составляют темы по истории тех национальностей, которые являлись объектами колониальной политики царской России и считались не имеющими или „незаслуживающими“ истории. Вполне понятно, что после Октябрьской революции, провозгласившей принцип полного равноправия национальностей, изучение истории этих народов стало одной из первоочередных задач нашей исторической науки. Над этой тематикой работают соединенными силами Историко-археографический институт и Институт востоковедения.

И перестройка наших общих исторических представлений на основе методологии диалектического материализма, и разработка истории пролетариата и крестьянста, и исследования

в области народов СССР — связаны теснейшим образом с интересами и запросами нашей революции. Но наряду с этой тематикой мы видим в работе наших обществоведческих институтов тематику, являющуюся прямым откликом на непосредственные практические нужды культурного строительства данного момента. Это, с одной стороны, работы языковедов — разработка словарей и грамматик для народов СССР, особенно так называемых „малописьменных". В этой области работает Институт языка и мышления и Институт востоковедения. Мы должны укрепить этот участок работы, бросив на него большие силы и средства, так как наши темпы здесь явно недостаточны. Это, с другой стороны, работа литературоведов — подготовка академических изданий важнейших литературных памятников прошлого, собраний сочинений наших великих писателей. В связи с задачей освоения всего ценного, что создано буржуазной культурой, эта работа имеет большое значение. Она производится Институтом русской литературы, приступившим к переизданию „Колокола" Герцена и подготовляющим академическое собрание сочинений Пушкина.

Как это само собой разумеется, работа Совета по изучению производительных сил СССР, в соответствии с его целевой установкой, была направлена в основном на исследования, пополняющие и углубляющие наши знания в области сырьевых и топливных ресурсов страны. Задача Совета в первую очередь — практическая. Своими экспедициями Академия охватила, как и в предыдущие годы, громадное пространство: Кольский п-ов, бассейн Печоры, районы Средней Волги и Камы (по заданиям Средволгостроя), Ленинградскую область, Западную область, Крым, Нижнюю Волгу и побережье Каспия, Северный Кавказ, Закавказье, Северный Урал, Южный Урал, Эмбенский район, Кулунду, Ойротию, Горную Шорию, Прибайкалье, Дальний Восток, Киргизию, Таджикистан, Туркмению. Под научным руководством Академии проходила также Таджикско-Памирская экспедиция Совнаркома СССР. Исследования были направлены, по преимуществу, к разрешению наиболее сложных народно-хозяйственных проблем: энергоресурсов, черной и цветной металлургии, новых месторождений редких металлов и элементов, химического сырья, внедрения новых технических культур, продвижения земледелия на Север и т. д.

Результаты этой работы найдут свою полную оценку после их обработки и опубликования. Но и сейчас уже можно их признать со стороны практической вполне удовлетворительными.

Академия должна брать на себя те экспедиционные исследования, которые, имея наибольшее значение для социалистического строительства, в то же время были бы наиболее важными и ответственными и с научной стороны, которые имели бы большое научное значение. Научные итоги некоторых наших экспедиций бесспорны как в смысле уточнения наших знаний о природе страны, так и в смысле собирания материала для научных обобщений. Однако, на эту сторону дела необходимо в будущем обратить особое внимание. Иногда мы берем на себя в этой области и такие задачи, которые с успехом могли бы быть выполнены другими организациями, задачи, по своему характеру не требующие для их разрешения участия Академии. С другой стороны, мы иногда мало обращаем внимания на такие проблемы, разрешение которых весьма актуально с теоретической точки зрения, хотя со стороны практической они и не поставлены еще пока в порядок дня. И здесь, как и в других областях нашей работы, нам не следует забывать о ведущей роли науки, об исследованиях, которых, может быть, пока никто для непосредственно практических целей не требует. Это отнюдь не означает отрыва теории от практики, ибо теоретическое достижение, не дающее ничего практике сегодня, даст может быть очень много завтра или послезавтра.

Итак, мы имеем в нашей работе ряд несомненных достижений. А это, в конце концов, лучший критерий для оценки плана работы. И все же на этом участке у нас есть и недочеты. Планы и построение работы в ряде учреждений все еще недостаточно четки. Зачастую мы не можем с точностью сказать, какая именно часть данной проблемы разрабатывается в текущем году, что по ней конкретно выполнено к концу года. Не всегда правильно распределение сил по выполнению отдельных частей плана. Не везде как следует поставлен контроль над исполнением плана. Не всегда результаты работы своевременно приготовляются к опубликованию.

Что касается задачи общего планирования науки, согласования плана работы Академии Наук СССР с планами других Академий и ведомственных институтов, — то она до сих пор

должным образом не разрешена. Мы неоднократно и с разных сторон подходили к этому вопросу. Мы организовали несколько плановых конференций по отдельным отраслям науки. В 1933 г. мы провели такую конференцию (совместно с Наркомтяжпромом) по физико-химическому анализу. Мы обращались с приглашением к важнейшим ведомственным институтам принять участие в совместном обсуждении планов в наших группах. И тот и другой метод дали известный эффект, однако, эффект недостаточный. Его недостаточность отмечена и в постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета, который признал необходимым усилить согласование планов научных учреждений путем организации общих плановых совещаний и систематических отраслевых конференций, Таким образом, мы можем теперь в наших усилиях, направленных к единству научного плана, опираться на постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета. Это, конечно, помогает нам в разрешении этой задачи. В 1933 г. Академия Наук еще не имела возможности полностью развернуть работу, вытекающую из постановления Президиума ЦИК. Как я уже сказал, мы организовали лишь одну отраслевую конференцию, намеченную ранее. Конференции мы были вынуждены заменить просмотром планов, по установившейся практике, в группах во время Октябрьской сессии. На этот раз наше приглашение получило, как и следовало ожидать, большой отклик. На Октябрьской сессии были представлены: значительное число ведомственных институтов и Академия сельско-хозяйственных наук имени Ленина. В 1934 г. нам предстоит, очевидно, ближе подойти к выполнению полученной нами директивы. В целях установления основных важнейших направлений научной работы на 1935 г. мы предполагаем созвать весной 1934 г. совещание четырех Академий (Всесоюзной, Украинской, Белорусской и Сельскохозяйственной) и Научно-исследовательского сектора Наркомтяжпрома. Постановление этого совещания будет затем разослано по институтам Академий и Наркоматов. После того как институты ознакомятся с этими постановлениями и выработают свои конкретные планы, мы, очевидно, должны будем созвать уже для окончательного согласования отраслевые конференции, связав их с той из осенних сессий, на которой мы будем утверждать наш план.

Академия Наук продолжала и в истекшем году работу по упорядочению сети своих учреждений, идя по пути сокращения числа учреждений, не соответствующих задачам Академии или нежизнеспособных, объединения учреждений, близких по своей тематике. Так, были ликвидированы: Экономический кабинет, Комиссия сатирического жанра, Лаборатория прикладной зоологии, Институт по изучению леса, Песчано-пустынный институт, функции которого были переданы Почвенному институту; был слит Институт по изучению народов СССР с Музеем антропологии и этнографии. Было проведено в жизнь объединение Минералогического и Геохимического институтов в Ломоносовский институт минералогии, геохимии и кристаллографии. Дальнейшее упрощение нашей исторически сложившейся системы учреждений, создание единой продуманной сети достаточно мощных научных организаций, действительно заслуживающих имени академических, — остается и на предстоящие годы существенной организационной задачей Академии.

За 1933 г. в число учреждений Академии вступило лишь две новых единицы (против шести ликвидированных) — Гелиотехническая лаборатория в Самарканде, переданная Академии решением высших правительственных органов, и Новороссийская Биологическая станция, перешедшая в Академию от Наркомпроса.

С другой стороны, за тот же год значительно выросла сеть комиссий Академии как органов консультационного и научно-планового характера, комиссий как постоянных, так и временных. При Общем Собрании была организована Комиссия по установлению научных связей с Турцией; ее организация явилась результатом тех дружественных отношений, которые сложились во время командировки акад. Н. Я. Марра и акад. А. Н. Самойловича между Академией Наук и научной общественностью Турецкой Республики. Задача Комиссии — содействовать закреплению этих дружеских связей, содействовать взаимной помощи турецкой и советской науки. Вторая комиссия при Общем Собрании носит комплексный характер. Это — Комиссия по происхождению домашних животных. В интересе к этой проблеме и в работе над ней объединяются историки, этнографы и лингвисты, с одной стороны, биологи — с другой. В своем биологическом аспекте проблема имеет несомненно

и практическое значение для нашего животноводства. Комиссия имеет базой Институт языка и мышления, Институт антропологии и этнографии, Зоологический институт, Институт генетики.

При Отделении общественных наук возникла одна комиссия — Историческая. Ее первой задачей является объединение и направление исторической работы, ведущейся в отдельных институтах Академии. Работа над историческими проблемами велась в Академии до настоящего времени разъединенно, если не считать отдельных указанных мною случаев кооперации (например, Историко-археографического института и Института востоковедения в работе над историей народов Советского Востока). Значение координации исторических исследований как в смысле выработки единства принципиальных установок и методов, так и в смысле возможности сопоставления исторического материала, — ясно само собой. Но комиссия предполагает поставить перед собой и другую, более широкую задачу: организацию научной работы в таких областях исторической науки, которые в настоящее время недостаточно привлекают к себе внимание историков, хотя его по своему значению и заслуживают. Особенно значительное число таких проблем в истории докапиталистических формаций. Само собой разумеется, что в этой части своей работы Историческая комиссия будет стремиться к согласованию своих предположений и планов с планами других учреждений, ведущих работу в области истории.

Отделение математических и естественных наук (не считая Технической группы) организовало четыре новых комиссии — две из них носят характер по преимуществу теоретический и лишь отчасти научно-организационный. Это — Комиссия по изучению атомного ядра и Комиссия по метеоритам. Две комиссии связаны непосредственно с практическими проблемами: Комиссия по изучению Каспийского моря и Комиссия по ирригации. За истекший год Комиссия по ирригации успела уже развернуть достаточно интенсивную деятельность, включившись в работу по орошению Заволожья. Под ее общим руководством проходили соответственные исследования Почвенного института, Ботанического института и Лаборатории биохимии и физиологии растений. Работа комиссии нашла объективное выражение в изданных ею трудах и в известной мере

подготовила наряду с работой Энергетического института успешное проведение Волго-Каспийской сессии.

Особенно широко развила комиссионную деятельность Техническая группа. Это и естественно. С одной стороны, именно по линии Технической группы идет большинство направляемых в Академию запросов консультационного характера. С другой стороны, Техническая группа, как наиболее молодая организация Академии, имеет при себе одно лишь учреждение — Энергетический институт. При наличии весьма развитой сети научно-технических учреждений в системах Народных комиссариатов, особенно Народного комиссариата тяжелой промышленности, вряд ли целесообразно создавать параллельную сеть при Академии. Поэтому система комиссий, связанных в своей работе с запросами хозяйственных и государственных органов, является, по крайней мере на данном этапе, наиболее целесообразной формой деятельности Технической группы. Само собой разумеется, что необходимым условием успешности такой работы являются такого типа взаимоотношения Академии с ведомственными институтами, при которых комиссии Академии Наук и ее техническая группа могли бы ставить в ведомственных институтах за счет Академии Наук экспериментальные исследования по проблемам теоретико-технического порядка. При выполнении этого условия отпадает совершенно надобность в самостоятельных технических институтах Академии, и технические комиссии Академии получают мощную экспериментальную базу.

К концу 1933 г. Техническая группа имела две постоянные комиссии: по технической терминологии и по проблеме транспорта. Особое значение в условиях социалистического строительства второй пятилетки имеет, конечно, вторая комиссия. Академия Наук может и должна взять на себя задачу не только научно-консультационного, но и научно-организационного обслуживания грандиозной проблемы реконструкции транспорта. Академия и до организации Комиссии по транспорту вела некоторые работы в этом направлении. Работа шла в Энергетическом институте (по электрификации транспорта) и в Комиссии по металловедению железнодорожного транспорта, возглавлявшейся акад. Байковым; обследование районов, по которым должны пройти проектируемые к постройке железные дороги, было организовано Советом по изучению производительных сил.

Задача новой постоянной комиссии состоит в объединении этих работ, в расширении их объема в новых направлениях, в организации вокруг Академии и под руководством Академии необходимых работ в ведомственных институтах.

Наряду с этими постоянными комиссиями при Технической группе работали комиссии временные, создаваемые для разрешения определенных отдельных задач. Возможно, что некоторые были организованы слишком поспешно, без должной подготовки, без ответственной базы. Как ни желательно развитие консультационной деятельности Технической группы, быстрый рост числа комиссий невольно вызывает сомнение в возможности обеспечения их работы силами требуемой квалификации. По характеру своей работы эти комиссии весьма разнообразны. Это — комиссии по технической математике, по пересмотру абсолютной системы механических единиц, по использованию шлака, по подземной газификации, по содействию строительства метрополитэна, по вопросам строительных материалов. О направлении деятельности дают вполне достаточное представление их наименования.

Развитие филиалов и баз, к строительству которых Академия Наук приступила с конца 1931 г., шло в 1933 г. весьма неравномерно. На пути к реализации планов Академии по созданию филиалов имеются два препятствия: неопределенность материального положения филиалов и недостаток кадров. По смете Академии Наук сколько-нибудь значительных средств, предназначенных специально на филиалы, — не отпускается, не имеют обычно филиалы точной сметы и в местном бюджете. Таким образом, бюджет филиалов складывается из тех, неизбежно весьма ничтожных сумм, какие может выделить Академия, и из неопределенных и колеблющихся дотаций со стороны местных государственных и хозяйственных организаций. При таких условиях создание институтов и лабораторий филиалов подвигается весьма медленно, а отсутствие хорошо оборудованных лабораторий еще более затрудняет разрешение и без того весьма тяжелой проблемы обеспечения филиалов соответственным научным персоналом.

Наилучше развивается Закавказский филиал, работавший к январю 1934 г. в составе двух отделений: Грузинского (Тифлис) и Азербайджанского (Баку). Причины этого успешного

развития нетрудно установить. Во-первых, в состав филиала были включены некоторые научно-исследовательские ячейки, существовавшие уже и ранее на Кавказе ко времени организации филиалов. Назову в качестве примера Тифлисский Ботанический сад и Химический институт, как самые крупные единицы, переданные Академии в Грузии. Азербайджанское отделение при самой своей организации получило целиком, как базу для своей работы, Азербайджанский Научно-исследовательский институт. Во-вторых, в двух центрах Закавказья, в Тифлисе и Баку, имеются значительные кадры научных работников, на которые Академия могла сразу опереться в деле организации научной работы филиалов. Из центра нам пришлось командировать в Закавказье лишь работников высокой квалификации, способных дать филиалу должное научное и научно-организационное руководство. И нужно отметить, что при создавшейся в Закавказьи благоприятной обстановке на призыв Президиума принять участие в этой работе охотно откликнулись и действительные члены Академии и крупнейшие работники наших институтов. Академики Марр, Левинсон-Лессинг и Мещанинов, проф. Буш отдали Закавказскому филиалу немало времени и энергии. Дали свое согласие руководить соответственными отраслями работы филиалов академики Келлер, Рихтер и Писаржевский, профессора Полынов, Прасолов и Никифоров. Есть все основания надеяться, что филиал в обоих своих отделениях вырастет в крупную и авторитетную организацию.

Значительно медленнее, с большими перебоями происходит рост Дальневосточного филиала. Здесь слабее и сеть учреждений и кадры местных научных работников. Дальневосточный филиал требует бóльших капиталовложений и бóльшего притока сил извне, из Ленинграда. Несмотря на удаленность Владивостока, мы направили туда ряд работников. Но их количество, конечно, далеко не соответствует потребности. Не подвигается должными темпами и организация материально-технической базы филиала. Наконец, при большом внимании, уделяемом филиалу его председателем акад. Комаровым, нам все же не удалось до сих пор обеспечить надлежащее руководство филиалом со стороны основного кадра работников Академии. Вокруг дела организации Дальневосточного филиала не сложилось пока такой группы, которая чувствовала бы себя прочно

связанной с этим делом и ответственной за него. Между тем, создание опорного пункта Академии в Дальневосточном крае — в крае еще далеко недостаточно изученном, представляющем и для геолога, и для биолога, и для обществоведа громадный интерес, — есть дело исключительного значения. Мы должны сообща с местными органами советской власти приложить все усилия к тому, чтобы разрешить эту задачу, преодолевая несомненно имеющиеся в этом деле большие трудности.

Далеко неудовлетворительно обстоит дело с организацией Уральского филиала. На Урале имеется большая сеть ведомственных научных учреждений. Филиал Академии Наук может занять среди них должное место лишь при условии достаточно высокого теоретического уровня своей работы и достаточно высокого научного авторитета. Развернуть такую работу и завоевать такой авторитет можно, лишь имея весьма солидную производственную базу. Между тем, Уральский филиал не имеет пока удовлетворяющего этим высоким требованиям и соответственно оборудованного помещения. Он не может в ближайшем будущем рассчитывать на передачу ему каких-либо научных учреждений, как то имело место в Закавказьи. Среди руководящих работников Академии есть немало лиц, связанных с Уралом своими научными интересами, — академики А. Е. Ферсман (председатель филиала), А. А. Байков, М. А. Павлов, Н. С. Курнаков и многие другие. В истекшем году Академия провела сессию филиала в основном по вопросам сельского хозяйства, с выездом из Ленинграда на Урал соответственной бригады. Повидимому, впредь до постройки на Урале институтов филиала, которые могли бы служить постоянной и достаточной базой для работ Академии, нам придется ограничиться организацией такого рода выездных бригад по интересующим Урал проблемам (металлургия, химия и т. д.). Эта система работы при данных условиях представляется более эффективной, чем организация небольших лабораторий, в известной мере параллельных уже существующим и не способных в отведенных им случайных помещениях подняться до той высоты, на которой должны стоять учреждения Академии.

Из двух баз Академии более нормально развивается Таджикистанская. Ее росту содействует несомненно та прочная связь с Таджикистаном, которая сложилась у ряда

работников Академии в результате их участия в Памирско-Таджикских экспедициях. Базе постановлением Таджикского правительства переданы Карамазарский институт и Научно-исследовательский институт Наркомпроса Таджикистана. Положение базы было несомненно упрочено выездом в Таджикистан бригады Академии в составе председателя базы акад. Ольденбурга, академиков Комарова, Иоффе и других. В работе по Таджикистанской базе принимают деятельное участие профессора Бертельс, Фрейман и Щербаков. По всем данным база имеет шансы на нормальный рост — при условии бесперебойного финансирования.

К базам мы предъявляем менее строгие требования, чем к филиалам, но и этим требованиям далеко не вполне удовлетворяет Казакстанская база. Наряду с общим недостатком — материальной необеспеченностью — база больше, чем какая-нибудь другая наша организация, страдает от недостатка кадров. Мы вынуждены были ограничиться здесь временно созданием Биологического сектора с Ботаническим садом и небольшой химической лабораторией, но и эта — очень узкая по сравнению с запросами Казакстана — задача разрешена нами не вполне удовлетворительно. Весьма возможно, что и в Казакстане, как и на Урале, мы будем приведены к необходимости перейти временно к методу выездных бригад и экспедиций, которые должны подготовить необходимые предварительные условия для правильной работы базы.

Я считал необходимым в настоящем отчете обратить на недостатки нашей работы по организации филиалов и баз особое внимание. Дело строительства этих новых центров научной мысли — дело большого научного и общественного значения. В нем есть ряд своеобразных трудностей. Часть их не зависит от Академии. Но наличие таких трудностей не должно являться для нас основанием к отказу от мобилизации наших сил на это большое дело. Борясь за устранение тех препятствий, которые мы можем преодолеть силами Академии, мы несомненно в конце концов добьемся должного разрешения и тех вопросов, разрешение которых одной Академии не под силу, ибо каждый наш успех будет вызывать встречную волну поддержки нашей работы, как каждый наш промах или недочет вызывает неизбежно охлаждение к ней.

Очень большая работа была проведена в истекшем году по реорганизации дела подготовки аспирантуры в Академии Наук. В отчете за 1932 г. основное направление этой работы было уже мною намечено. Мы признали необходимым еще в 1932 г. сосредоточить наши силы на подготовке кадров высокой квалификации, временно сохранив подготовительное отделение лишь в виде исключения по некоторым дисциплинам. Эта установка была подтверждена постановлением Президиума ЦИК Союза, в котором нам дано указание „вербовать аспирантуру из лучших сил, тщательно отобранных из числа лиц, окончивших аспирантуру в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах и проявивших особое дарование в области научного исследования“. Это указание является для нас директивой по отношению к организации приема аспирантов. В соответствии с этим для предполагавшегося осенью приема аспирантов впервые было внесено в правила приема требование окончания нормальной аспирантуры или наличия соответственного уровня научной квалификации, засвидетельствованного научной работой. Норма приема, конечно, должна была быть установлена ниже норм прошлых лет. Однако, в виду задержки постройки общежития для аспирантов, прием был отложен до 1934 г. Исходя из того же стремления поднять уровень квалификации нашей аспирантуры, мы произвели в начале 1933 г. проверку состава аспирантов с точки зрения их соответствия нашим требованиям. В результате проверки нами было отчислено 69 человек, пребывание которых в аспирантуре Академии было признано нецелесообразным. Само собой разумеется, такой итог проверки свидетельствует о некоторых ошибках, допущенных при приеме аспирантов в предыдущие годы — в 1930 и 1931 гг. Президиум ЦИК совершенно правильно и своевременно обратил наше внимание на эти ошибки, констатировав в своем постановлении „недостаточно высокое качество подготовляемых Академиями кадров“. Наконец Президиумом был принят ряд мер в целях обеспечения более правильной постановки самого процесса работы аспирантов в стенах Академии, в целях большего привлечения институтов Академии, отдельных академиков и крупных научных работников к делу подготовки новых кадров. Состав Комитета по кадрам был пополнен, причем в него вошли, кроме председателя — непременного секре-

таря и академиков-секретарей, — академики: Комаров, Кистяковский, Левинсон-Лессинг, С. Вавилов, Байков, Деборин, Ольденбург, Рихтер. Во главе секций стоят академики: Курнаков (химическая секция), Левинсон-Лессинг (геологическая секция), С. Вавилов (физико-математическая), Рихтер (биологическая) и Орлов (секция общественных наук). Вся совокупность этих мероприятий привела уже в 1933 г. к несомненному улучшению подготовки аспирантов, но это улучшение недостаточно. Не по всем специальностям мы имеем четкие программы аспирантов, не везде обеспечено должное руководство ими и должный контроль. В этом направлении Комитету по кадрам предстоит еще немало работы.

В 1933 г., как и в предыдущие годы, Академия Наук, наряду с сессиями, посвященными внутренним организационным вопросам и научным докладам, отражающим ее деятельность, организовала две сессии по заранее намеченной программе.

Первая из этих сессий была связана с исполнившимся 50-летием смерти великого мыслителя-революционера, великого учителя и вождя рабочего класса, Карла Маркса. Доклады, освещающие историческое значение Маркса и отдельные стороны его деятельности, были зачитаны как в Общем Собрании Академии, так и в обоих ее Отделениях. Стоит выделить особо доклады о значении марксизма для естественных наук и для языкознания. Еще и сейчас среди представителей нашей научной мысли широко распространено ложное мнение, что марксизм есть система экономическая, в лучшем случае историческая, что естественникам марксизм дать ничего не может. Доклады на марксовской сессии Академии Наук важны как свидетельство поворота к признанию общего методологического значения диалектического материализма Маркса, они являются симптомами все более углубляющегося влияния марксизма на нашу научную мысль.

Вторая сессия, о которой здесь необходимо сказать, — была сессия по проблеме Волго-Каспия, — одной из грандиознейших проблем нашего социалистического строительства. Организуя эту сессию, Академия продолжает ту линию своей работы, предшествующими моментами которой были Урало-Кузбасская сессия и сессия по вопросам Ленинградской области. Накопленный опыт дал возможность Академии организовать Волго-Кас-

пийскую сессию во многих отношениях лучше, чем предшествующие. К участию в сессии были привлечены весьма широкие круги работников науки и техники. Проблема Большой Волги была подвергнута на заседаниях Общего Собрания и многочисленных секций самому разностороннему рассмотрению. В ее обсуждении приняли участие и энергетики, и гидрологи, и гидротехники, и почвоведы, и ботаники, и ихтиологи. Сессия суммировала научные данные, относящиеся к проблеме Большой Волги с исключительной полнотой. Можно сказать с уверенностью, что эта работа Академии окажет немалое содействие в разрешении основных практических вопросов проектируемого строительства. Обсуждение на сессиях Академии, как высшего научного учреждения Союза, такого рода комплексных проблем большого общественного значения — несомненно одна из важнейших задач Академии, один из способов ее включения в работу по социалистическому строительству.

Наша работа получила, как я уже говорил, высокую оценку в постановлении ЦИК СССР. Эта оценка была закреплена вторым правительственным актом, подписанным 14 декабря 1933 г. и передающим Академию Наук в непосредственное ведение Совета Народных Комиссаров СССР. Этот акт, знаменующий начало нового периода в жизни Академии Наук, должен явиться для нас отправным пунктом еще более напряженной работы на дело социалистического строительства, еще более тесного сотрудничества с органами, непосредственно этим строительством руководящими.

Было бы очень опасно, если бы мы, получив признание наших достижений со стороны высших правительственных органов, прониклись самодовольной уверенностью, что у нас все уже стоит совершенно благополучно, что дальнейшее развитие и дальнейший рост Академии вполне обеспечены, что дальше все пойдет уже, как теперь принято выражаться, самотеком. В связи с планом второй пятилетки, в связи с решениями только что закончившегося Съезда ВКП(б), — Съезда, который вызвал такой небывалый отклик в стране, и в частности в Академии Наук, — перед страной стоят колоссальные задачи, требующие для своего разрешения мобилизации всех наших сил, в том числе и той силы, какой является научная мысль.

Роль науки в социалистическом строительстве становится все более и более ответственной. Научные учреждения Союза, в том числе и Академия Наук, должны будут напрячь все свои силы в работе над великим делом построения бесклассового общества. К этому нужно быть готовыми.

Постановление Президиума ЦИК констатирует, что Академия Наук много сделала для того, чтобы включиться в эту великую работу, чтобы приспособить к ней всю свою организацию. Но, совершив этот поворот, она должна итти и дальше в ногу со всей массой строителей нового общества, во главе отряда советских научных работников, под руководством коммунистической партии. Только так она может сохранить приобретенный ею в широких массах авторитет, только так сможет она оправдать перед историей свое высокое имя Академии Наук Союза Социалистических Советских Республик — первой в мире страны социализма.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 2 руб. 25 коп.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ И ПОДПИСКИ

на все издания Академии Наук СССР производится Сектором распространения Издательства Академии Наук. Ленинград 53, В. О., Менделеевская линия, 1, тел. 5-92-62

Представителем по распространению в Москве и Московской области является Книготорговое объединение Государственных издательств (КОГИЗ).